

Содержание

I.	Утро ужасов <i>Дима Торубаров</i>	3
II.	Неудавшийся винегрет	6
II.1.	Ферапонтово — Кириллов <i>Дима Торубаров</i>	7
II.2.	* * * <i>Паши Матасов</i>	12
II.3.	Дневник <i>Саши Юркова</i>	16
II.4.	Был март <i>Оля Фатуева</i>	21
II.5.	Белое, чёрное и глубоко-голубое <i>Алёна Пятницкая</i> ...	26
II.6.	История одного тихого помещательства <i>Веня Грузинов</i> ..	27
III.	История одной собачьей жизни <i>Андрей Юрков</i>	29
	Посёлок Вангурей; Прогноз <i>Витько Чабаев</i>	57
IV.	Велопоход в лето 2003 от Р.Х. <i>Денис Палеев</i>	58
	Тост и посвящение друзьям; Напутствие <i>Олег Мархилевич</i>	64
V.	Первомайские — 2003 <i>Надя Демидова</i>	66
	Там, в Высокопетровском... <i>Олег Мархилевич</i>	80
VI.	Соловкиииии <i>Оля Шестакова</i>	81
	О, как мечтаю... <i>Олег Мархилевич</i>	84
VII.	Раскопано в рукописях <i>Лена Сысак</i>	85
	Санкт-Петербургу <i>Ваня Абраменко</i>	87
VIII.	В сером <i>Ваня Абраменко</i>	88
	Туристическая оптимистическая <i>Паши Матасов</i>	92
IX.	Точка зрения <i>Дима Торубаров</i>	93
	Перо, бумага, чистый лист... <i>Олег Мархилевич</i>	95

ТУГУДУМИЗДАТ

Рождественский сборник — 2005

Издание второе, исправленное

Всплывший редактор *В. Чабаев*

Тоже редактор *В. Грузинов*

Художники: *А. Пятницкая, С. Пятницкая, Н. Пугач*

Компьютерная вёрстка: *О. Фатуева*

Составители сборника: *В. Грузинов, В. Чабаев*

I

УТРО УЖАСОВ

Прелюдия.

Два часа пополуночи на речке Рожайке. Торубаров и Шабловский мирно спят, вдруг один из них просыпается от хруста снега под чьими-то шагами. Двое. Идут к палатке. Присаживаются у входа. — Эй, есть кто живой? — из-за тонкой стенки доносится мужской голос.

— Есть, — отвечает Дима.

— Ребят, у вас бинт есть? — интересуются незнакомцы.

— Шурик, у тебя бинт есть? — переспрашивает Дима спящего соседа.

— Нету, — сонно отвечает Шурик.

— Ну, ладно, извините.

Некоторое время слышится хруст снега и затихающие голоса: «Сильно течёт?» «Да я зажимаю, видишь, как оттопыривается». «Да ладно, щас вернёмся, флагом перетянем».

Хмурый рассвет.

Торубаров открыл глаза, светло, с улицы доносился голосок одинокой синички: пинь-цзинь, пинь-цзинь — пела она. Он повернул голову налево и всмотрелся в лежащего рядом товарища, вроде не спит.

— Слушай, Шурик, — Дима приподнялся на локте, — а почему синицы любят сало?

— А с чего ты взял, что они его любят? — удивился Шурик.

— Ну как, добрые горожане всегда подкармливают синичек кусочками сала. Они к ним цепляются и клюют потихоньку.

— Не знаю.

— Если они так любят сало, — Дима развивает свою мысль дальше, — значит, это их естественное питание, логично.

— Ну, логично.

— А где они добывают сало в лесу? Только с кабанов! Представляешь, собираются синицы в стаю, а потом гонят кабана по глубокому снегу, пока он не падает от изнеможения. Затем синицы начинают рвать в клочья толстую кабанью шкуру, чтобы добраться до вожделенного сала. Потом из кусочков щетины они вяют гнезда, а останки кабана доедают волки.

— Ну ты и «гонщик», — Шурик расстегнул молнию на входе. — Серо то всё как, — протянул он, — а ребята-то не обманули, вон капельки крови.

Он застегнул молнию и снова улётся поудобнее. Вдали раздался стук дятла по сухому дереву. Между тем на улице становилось всё теплее и теплее, снег потихоньку стал испаряться, а с ним в воздухе оказались и едва уловимые частицы крови. Вскоре этот запах достиг чутких ноздрей синицы, она тут же прервала свою безмятежную песенку. Через несколько секунд, когда пение возобновилось, до ушей молчащих ребят донеслись новые звуки. Мясо — здесь, мясо — здесь, — весело напевала синичка.

— Слышишь, что поёт, — спросил Димка Сашку.

— Угу, — ответил он. Стук дятла раздался значительно ближе. К одинокой певунье начали подтягиваться её голодные товарки. Мясо — здесь, мясо — здесь, — щебетали они. Вскоре к ним присоединился хриплый крик ворона: — Гдеее? Гдеее? — каркал он. Неподалёку рухнул раскуроченный дятлом дуб.

— Слышь, Димон, дятлы подтягиваются, — произнёс Шурик, — давай-ка из спальника выползай, а то примут нас за толстую гусеницу.

— Молчи, дурак, чтобы не засекали, — яростно прошипел Димон. Они затаили дыхание, было слышно, как на снег вокруг палатки опускаются дятлы. Хрым, хрым — поскрипывал снег под их лапками.

— В кольцо берут, — прошептал Дима.

Happy end.

Хрым, хрым, — звуки становились всё ближе и ближе. Но тут какая-то из синиц взяла более свежий след. Радостно попискивая, вся стая устремилась за своей товаркой. Фррррхх, раздалось с разных сторон — это дятлы рванулись вслед за синичками, боясь опоздать к началу трапезы.

— Не повезло чувакам,— задумчиво произнёс Шурик.

Да, нет ничего хуже, чем наткнуться в обеззверевших подмосковных лесах на стаю голодных синичек, почуявших запах свежей крови. Как пираний слетаются они к раненой жертве и молниеносно раздирают её на части. В лагере над обрывом раздалось странные звуки, будто кто долбил в кан деревянной палкой.

— Кто-то котелком голову прикрыл, — высказал предположение Шурик, — теперь до него дятлы добираются.

Вскоре звуки затихли. Через некоторое время мы поднялись на обрыв, в лагере соседей не было ни души.

Если кто не верит, можете рассмотреть Шурикову палатку, она вся в мелкую дырочку. Это особо нетерпеливые дятлы проббили тент и пытались рассмотреть — что там шевелится. Да, ещё мы нашли зарывшуюся в снег летучую мышь, которая, по-видимому, не успела до свету вернуться в пещерку и, чтоб не попасться голодным синицам, спряталась в снегу. Да там и замёрзла. Не верите? Спросите у Ольги, она её видела.

Дима Торубаров

II

НЕУДАВШИЙСЯ ВИНЕТРЕТ

Правила приготовления винегрета требуют, чтобы овощи были мелко накрошены.

Возможно, когда их крошат, им и не больно.

Но повару это в любом случае безразлично.

Чик-чик-чик — и картошка кубиками.

Хрум-хрум-хрум — и огурцы дольками.

Раз-два-три — и свёклу туда же.

Трижды пытаюсь выполнить обещание и сложить из кусочков рассказов разных людей один общий текст про наш лыжный рейд 2004 года, прихожу к такому выводу:

Хреновый из меня повар.

И нож у меня тупой.

Так что — извините, но салата не будет.

Да здравствует раздельное питание!

Вітько Чабаєв

1.

Ферапонтово – Кириллов (пушкинском)

Пролог

Выбор книги в дорогу представляется мне каким-то мистическим событием — вот ты уже почти ушёл, и вдруг понимаешь, что дорога предстоит долгая и одинокая, и решаешь прихватить книгу с собой, бегаешь от полки к полке, глаза разбегаются, и не знаешь, что взять? Что взять? И вдруг — протягиваешь руку и... в этот раз в ней оказалась «Алиса в стране чудес». Мистика? Мистика!

А впрочем, чушь всё это собачья (кстати, отчего чушь — собачья?), и подогнать события можно под любую книгу.

Надо только восприятие своё соответственно настроить, и тогда реальность, данная нам в ощущениях, сама собою отбираться будет.

Поезд Москва Котлас тесный и тёмный, словно кроличья нора, терпеливо ждал меня у перрона. Мимо пробежали суетливые люди, то и дело поглядывая на часы.

На лыжах кататься, приветливо улыбнулась проводница, там и снега-то нет.

Да ну что вы, даже в Подмосковье есть, а уж у вас там его по пояс, не меньше.

Перегородки толкали рюкзак из стороны в сторону, и он вихлял в проходе, точно хвост золотой рыбки. Время от времени я вопрошал окружающее пространство: «А где здесь 38 место? А то очки запотели, ничего не видно».

«Дальше, дальше», отвечали мне разноцветные пятна людскими головами.

Я всё шёл и шёл, долго, до самого туалета.

Чуден град Вологда в три пополуночи. Дедушка Мороз, избравший вечной базой город Устюг, проходя мимо, ласково пощипал меня за щёчки: «Тепло ли тебе, Димочка?»

Тепло, Морозушка, тепло.

Ну, ну. На трассе встретимся. Познакоимся поближе.

«Уж не зря ли, закралась в голову крамольная мысль, не взял я с собою палаточку?»

На вокзале я только-только уселся в кресло ожидания, как ко мне подошёл человек с лыжами.

Извините, попросил он прощения, хотя ещё ничем меня не обидел, а вы куда на лыжах идёте?

Ну, я, здесь, своих жду, а так, вообще до Феррапонтова, а дальше не знаю. Скорее всего до Кириллова.

А я в Горицы, он сел рядом, к знакомым.

Мы разговорились. Он показал фотографии закатов на горе Мауре. На них был запечатлён настолько зимний вечер, что пальцы стыли даже от простого прикосновения к бумаге.

Там у них есть термометр, рассказывал Владимир, который температуру на десять градусов ниже показывает. Просто однажды был мороз в сорок пять градусов, вот он и не выдержал. Здесь четырнадцать показывает? Ну, в лесу градусов на шесть-семь понижее.

Мы помолчали.

Он достал термос, выпил сам и предложил мне: «Выпей чайку. С мятой»

Я выпил.

Настала моя очередь рассказывать. И я рассказал ему про нас, про походы, про свои лыжные ботинки. Пока я говорил, вокруг принялись шнырять, видно, учуяв в рюкзаке кусок колбасы, голодные и жутко шерстяные вологодские собаки. Шныряли, трясли рёбрами и посыпали округу грубым волосом. Вскоре я закашлял.

Что с тобой?

Да у меня на шерсть аллергия.

Да ты что? — Владимир залез в рюкзак и достал ярко раскрашенную коробочку. — Вот, съешь таблеточку, очень хорошо помогает.

Да? — посомневался я, ну давайте.

И съел.

Восемь часов тридцать минут. Мои счастливые и младенчески наивные товарищи появляются на свет из различных вагонов. Я же, имея за плечами пятичасовой опыт жизни в этом куске мира, и уже малость огрубевший, говорю (сразу после здрасти):

«Вень, я палатку не взял. Я правильно понял тебя, когда мы по телефону говорили?»

Оказалось что почти правильно. Что палатку можно было бы и взять, ну да ладно.

Ну что, Ольга, радостно интересуется кто-то, будем ночевать в сугробе?

А может, в дом попросимся?

А ты чего в палатке не хочешь ночевать? — поинтересовался я.

Да я никогда раньше в палатках зимой не ночевала.

Красив Феррапонтов и знаменит. Знаменит на весь мир неповторимыми фресками Дионисия. Со всего света прибывают сюда люди, чтобы любоваться ими.

Но первое, что осмотрела наша группа, был небольшой деревянный новодел, с двумя отдельными кабинами и слышимостью как в исповедальне.

Для осмотра оставшихся достопримечательностей была заказана экскурсия.

Экскурсовод Людмила вывела нас во двор, чтобы не мешать другой группе разглядывать и слушать внутри. Постояли, поговорили с ней о многом.

Ну что ж, произнесла она, такие люди заслуживают более подробного рассказа. Все готовы? Тогда начнём. Пятнадцать миллионов лет назад...

Оголодав за прошедшие эпохи, мы зашли в магазин.

С полок, свесив побелевшие от зависти языки ценников, молча и жадно взирали на нас товары повседневного спроса. Чтобы такого казуса не случилось с продавщицей, мы предусмотрительно повернулись к ней спиной, и кушали, разложив еду на опрометчиво поставленном здесь столике, предназначенном, скорее всего, для укладывания товаров в сумки.

Большая часть Бородавского озера и красивый вид на монастырь остались за спиной. Деревня Мыс приближалась к нам со скоростью пять километров в час.

Я любовался закатом, вдыхал свежий морозный воздух и стирал ноги чужими лыжными ботинками.

Заходящее солнце зачернило низкорослые баньки; и сосульки, свисающие бахромой с крыш, засияли алым, словно дома истекали кровью.

Всё, Ольга, всё — ночуем в сугробе.

Веня, а может, всё-таки в дом попросимся?

Если встретим кого-нибудь — попросимся.

Встретили — попросились — пошли дальше.

Ты знаешь, Оль, ночёвка в домах не всегда бывает приятной. Как-то на нас, спящих на полу, падали с кроватей мстёрские художники.

Да где ж я вас положу? — удивилась Александра Ивановна. У меня комнатка маленькая.

Дом, между тем, был большой, и только после того как старушку уговорили и мы вошли, я увидел, что дом представлял собой и жильё,

и хозяйственный двор под одной крышей. Налево пойдёшь — в хлев попадёшь, прямо пойдёшь — в сортир попадёшь, направо пойдёшь —...

Лучше бы налево, на душистое сено к тёплым козам под бочок.

Лучше бы, но — мы отправились направо, и попали в логово Бармаглота. И чем больше он барматухи заглатывал, тем злоопастнее становился.

Я в таких ситуациях теряюсь, и представляю лишь два выхода — либо сражаться, либо ничего не делать. Мысль билась в голове как мотылёк в банке: «мы приходим и уходим, а бабушке здесь ещё жить и общаться».

Бармаглот же, когда особенно раздухарился и захотел показать девушкам, как он круто заводит бензопилу, сломал замок в сарайчик и довёл бабушку до слёз.

Вскоре девушки пропали.

Я пошёл погулять и наткнулся на них метрах в пятидесяти от дома.

Все трое с наслаждением вдыхали ночной воздух и общались между собой.

Пока девушки гуляли, Бармаглот подуспокоился. А после ещё немного побуянил и ушёл в свою деревню.

Лесовозная дорога привела к месту, где свежеубитые деревья грузили на машины. Бригадир, приняв ярко-красные куртки Оли и Саши за куртки пожарных инспекторов, поспешил нам навстречу.

Обрадовавшись что обознался, он сообщил, что скорость наша чуть меньше, чем у доехавшего недавно КаМАЗа, и что до психбольницы напрямую никто не ходит и дойти невозможно.

И действительно, это оказалось нелёгким делом.

Глубокие овраги, тесные заросли и открытые солнечные поляны подстергали нас на пути. Наши тела валялись в оврагах, ломали палки в зарослях, и норовили остаться на полянах на всю жизнь.

Но мы отважно побеждали трудности, и всё время перекусывали, полчаса — перекус, полчаса — перекус. Такого напряжённого графика у меня не было даже с Шуриком.

Ну, вот наконец и Нилова пустынь, чьё каре мы обошли кругом и куда нас не пустили бдительные старожилы. В форточке шаром свернулся кот, он щурил глаза и улыбался.

«На что мне безумиры? — сказала Алиса. Ничего не поделаешь, возразил Кот. — Все мы здесь не в своём уме — и ты, и я. — Откуда вы знаете, что я не в своём уме? — спросила Алиса. — Конечно, не в своём, ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?»

Весна щерилась неровными щенячьими зубами. С них капала слюна, и разлагался застрявший меж клыками белый свет.

Ну что, Ольга, на ночлег в деревню?

Теперь только в сугроб.

Подходящий сугроб нашёлся через шесть километров. Паша подобрал достойное место, мы сняли лыжи и погрузились в него по пояс. Впрочем, в самом сугробе, как ни настаивала Ольга, спать не стали — поставили палатку.

Четырёхместная палатка на семерых — в таких условиях я не ночевал лет восемь.

Паша, Витя и я засиделись у костра, вспоминая «на троих», дольше, чем все.

Нет, утверждал Витя, «усих москалив на лыхтары» я сказать мог. А «развесим как праздничные флажки на фонарях» не мог — не мой стиль.

В три часа ночи мы втиснулись в палатку. Заснули.

В страхе я открыл глаза — окружающее пространство сдавило меня, захотелось истерично подёргать ногами, и вообще выскочить из палатки на улицу. Но, вспомнив Дедушку Мороза, я решил остаться внутри. Дело в том, что таким милым и достаточно добрым он стал совсем недавно. Сразу после рождения он был весьма крут и ходил по домам с гибкими розгами в руках. А в Германии Дедушку Мороза заменял злой «солдат Гупрехт», собиравший детей в мешок.

Было бы очень неприятно вылезти из палатки и наткнуться на солдата.

Вдох — выдох, раз-два. Успокоился.

Закемарил.

Эй! Эй! Нет!! — вдруг закричала Алёна.

Ну что ж, вздохнул я с облегчением, значит, не один страдаю.

На лыжню встали в одиннадцать часов.

И пошли. Шли — шли, шли — шли, вверх — вниз, вверх — вниз. Спокойно, неспешно. Есть время подумать.

«На юном челе Авроры багровым прыщом вздулось солнце», внезапно родилась метафора. Куда бы её вставить?

Некуда. Не видел я в этом походе рассветов.

Вн-и-и-и-и-з. Вверх, вверх, вверх.

Иногда мне кажется, что мозг — это не часть организма, а какой-то захватчик, заставляющий проделывать тело невообразимые кунштюки.

И вот этот самый оккупант заставил Сашин организм съесть берёзовую серёжку. Организм, как это было хорошо известно мозгу, ненавидит

пыльцу, но ему было интересно: «а есть ли пыльца в мартовских серёжках?»

Когда я увидел Сашу, она лежала на льду озера недалеко от мощных крепостных стен монастыря, точно раненый витязь, и тяжело дышала. Телу было плохо, а мозг радовался поставленному эксперименту.

Но всё обошлось, и мы, «оседлав» лыжи, ворвались в Кириллов как команчи, горящие жаждой мести за погибших товарищей. Набег удался, и уже через полчаса улыбающаяся Алёна гуляла по городу, а из её кармана свешивался ярко-зелёный скальп Чипполино.

Так получилось, что в «Икарусе» я сидел отдельно от остальных. Где-то впереди друзья веселились и пили пиво.

Веселились и пили пиво.

Пили пиво.

Пили пи...

...проснулся я от смутного чувства, что кто-то стоит рядом. Открыл глаза...

Держа в правой руке ломоть чёрного хлеба с пёрышками лука, рядом стояла Саша.

«Спасибо!» — прошептал я. «Не забыли», обрадовался я. Растроганно принял угощение.

Скупая мужская слюна скатилась по подбородку.

Дима Торубаров

2.

*Так что лучше я прольюсь дождём весенним,
С гор потоками стеку к водозабору,
На подстанции в меня напустят хлора
И засунут головой в водопровод...*

В. Ланцберг

Мартовский вечер подходил к концу. Некоторое время назад праздник, до того бурливший в стенах бесчисленных учреждений, контор и организаций, выплеснулся на улицы и теперь мутной рекой тёк к воронкам подземки. В этот шумный водоворот был втянут и я. Спасительной соломинки — электрички через Останкино — способной удержать меня на плаву, как назло в это время не оказалось.

На входе в метро образовался засор — бдительная «красная шапочка»

усердно фильтровала потенциальных пассажиров, а несколько нетрезвых кавалеров, упустивших по пути лучшую часть рабочего коллектива, стояли рядом и капали ей на мозги.

— Сказала же, что не пушу. Отойдите. Что вы торчите поперёк течения? — сердилась притурникетная дама, и указав на меня, просочившегося мимо с рюкзаком и лыжами, добавила: — Видите, пассажиропоток какой большой.

«Нырять, дружок, там мелко» — сказал я сам себе и стремительно полился вниз по эскалатору, обтекая зловонные препятствия, а затем зажурчал дальше по системе сообщающихся сосудов, стараясь не смешаться с другими подземными течениями, несущими на себе следы праздничной репетиции, пока наконец не выбился наружу в общем фонтане вблизи насосной станции.

Остаётся последнее —

Зайти в пивную и заорать во всю глотку:

«Мужики! Быть, чёрт вас всех побери,

Или не быть?»

— А ты что, тоже философ? — скажут мужики, —

Ну, будем!

Э. Ланцберг

На задворках бывшей Комсомольской площади в мареве жёлтых фонарей, отражавшихся в созвездии луж, под оглушительный рёв динамиков отплясывали на холоде почти по-кабановски, греясь в собственных испарениях, несколько пьяных бомжей. Уходящая зима, поплакав февральскими дождями, оставила тщетные попытки заморозить здесь собственные слёзы, смешанные с лужковскими реагентами и, огрызаясь стылыми ветрами, отступила за МКАД, продолжая удерживать столицу в плотном ледяном федеральном кольце.

«Спутник вышел на орбиту», — возвещал каждый столб на Ярославском вокзале.

Возит местную элиту,

На него билет купи ты

По цене как пива литр, — отозвалось в голове. Ух, чуть не забыл. Надо бы взять. На пару спутников. Спасибо, что напомнили, а то пришлось бы всухомятку ехать.

Три красных габаритных фонаря хвостового вагона «Вологодских зорь» ещё освещали затылок путевого информационного табло, а задубевшие провожающие уже двинулись по домам. Под обрывок объявления «... *проверьте, не остались ли у Вас билеты отъезжающих пассажиров?*» — получил от Алёны, уже загнанной проводницей с перрона в тамбур, собственный проездной документ и заспешил к своему вагону.

Просунув в купе сначала лыжи, а затем голову, я обнаружил, что все соседи в сборе. Один из них, до того сидевший на моём месте, под изучающе-неодобрительные взгляды остальных вскочил и помог мне разместиться, что несколько меня удивило. К лыжникам, как правило, в транспорте отношение негативно-настороженное — для большинства они люди тёмные и непонятные: в морозный лес по ночам ходят, да ещё по таким местам, где никогда не ступала и не ступит нога Президента, дровами своими гремят, палками колются, мешками пихаются, а чуть отвлечёшься — портянки, у кого есть, сушить развесят. А тут подишь ты... Поблагодарил я его, конечно, куртку снял и в Ольгин плацкартный вагон побрёл подарок свой на 8 марта дарить — сговорились мы всем девушкам на эту ночь места купе предоставить. Но не тут-то было. Разыскал я её — пошли, говорю, на выход с вещами — донести помогу, лыжи можешь оставить. А она ни в какую — я, говорит, тут со всеми перезнакомилась, сейчас полезную информацию выпытываю. Ну задержался я, послушал. Дородная тётя вещала, что все билеты на интересующие нас автобусы из Вологды проданы ещё с полмесяца назад, но зато без проблем можно доехать до какой-то пригородной турбазы и поселиться там, делая ежедневно мелкие лыжные вылазки. Ольга, улыбаясь, внимала и даже что-то записывала. «*Под городом, под Вологдой, всё думает она...*» — вспомнилась мне визборовская строчка. Ну-ну, наивная девочка, потешь себя надеждой напоследок. С Веней без сутроба не обойтись — это аксиома. Жалостно посмотрел я на неё, пока ещё весёлую и жизнерадостную, спокойной ночи пожелал и обратно к себе отправился.

Путь мой пролегал мимо штабного купе, где легко перекусывали остальные, имевшиеся в наличии, участники нашей экспедиции. Рассказав о своей неудаче, я предложил Вите залить её бокалом-другим шипучки, на что тот с радостью согласился. За ужином он поделился со мной своими подозрениями и дал вводную — по его мнению, мой вежливый сосед по купе сильно смахивает на популярного вологодского барда Андрея Козловского, которого Витя встречал на Грушинском фестивале, автора известной на Рождественке песни «*На одном берегу...*». Мне, с учётом свершившейся провинности, надлежало установить истину и доложить. Срок — утро.

— Может, фотка какая случайно затесалась? — робко поинтересовался я.

— Фотки никакой нет, но очень сильно похож. — отрезал Витя.

Вернувшись к себе, я обнаружил всех спящими и, приняв горизонтальное положение, стал размышлять о способах выполнения полученного задания. Сведений, сообщенных мне Витьком, было явно недостаточно. Посему я попытался систематизировать знания о ночных бардах, накопленные на основе личного опыта. Как показывает практика, например Второго канала, барды в естественной среде обитания — это душевные люди, которые по ночам жгут костры или сами ходят по кострам с гитарой, поют песни, порой даже свои, и пьют водку. Эта информация задачи не облегчала. С другой стороны, однажды под утро на костроминской тусовке при СГШ я, устав от прослушивания бардовских песен, какое-то время дремал на плече сидящего слева Андрея Николаевича, иногда просыпаясь и ловя на себе заинтересованно-уважительные взгляды окружающих, а тот не то, что не возражал, а, наоборот, спать не мешал, старался подставиться поудобней и тактично успокаивал, когда я начинал храпеть. Это уже что-то — находящийся в этот раз надо мной кандидат как раз тоже никого не тревожил и вёл себя тихо. Ладно, ночь долгая, может ещё что изменится. А теперь спать, если получится.

Как известно, утро вечера мудренее не всегда, не для всех и уж точно не в поезде. За ночь мои газированные мысли беспорядочно разбрелись. Итак, вчера мне, кажется, было дано какое-то поручение. Какое же? Ах да, надо узнать что-то о спутнике. Но что? Спутник вышел на орбиту, — это, конечно, радует, но будто бы речь шла не о том. И что же дальше?

Расписание разбито, — в голову лезла всякая железнодорожная чушь. Ну и?

По ночам как бард вопит он,

Потому что невоспитан. — Ага, вот оно что! Всё, вспомнил, ура! Козловский, или не Козловский? А зовут-то как? К утру появились варианты: Анатолий, Алексей, Андрей, Александр... И чему, собственно — ура? Витёк куда-то запропастился — помочь некому. Подъезжаем уже. Коварная и невыспавшаяся Теория вероятностей шептала: «Спокойно. Напрягись и подумай. Задача четвёртого семестра — тогда ты решал их десятками: каковы шансы, выйдя из дома, встретиться с известным вологодским бардом А. Козловским? Ну, конечно, 50 на 50 — либо встретишь, либо нет. А теперь действуй, спроси у него что-нибудь. Монетку в конце концов брось». Легко сказать — здесь даже метод доказательства «от противного» не проходит. Да и не противный он вовсе. Что же делать? Попросить спеть — вроде не

время, и не все поймут. Вопросом: «Вы Козловский?» — не обидеть можно только самого А. Козловского, а если это не он? Да и почему тогда вечером сразу не спросил? Странно всё это. Самому подвыть известную мелодию — так я в ноты не попаду, тем более с утра, и если это А. Козловский, он подумает, что я глумлюсь над ним и над его творчеством. А не за что — человек-то, по всему видно, хороший. Всё, тупик, Вологда... Мой подозрительный попутчик накинул на плечо свою единственную сумку и попрощавшись, удалился. Так мне и не довелось узнать, с кем ночевал я в пути, но человек этот вполне может по моим представлениям называться истинным бардом. А я, удручённый очередным за сутки проколом, уныло поплёлся к месту общего сбора, предчувствуя разговор с Витьком на повышенных тонах. <...>

Международный женский день заканчивал свой неторопливый бег по голубой планете, и вместе с ним подходили к концу наши скитания. Переполненные впечатлениями, мы достигли привокзальной площади Вологды. Впечатления уже давно просились наружу. Почти в то же время к моему великому облегчению на одноимённую станцию прибыло нечто пьяное пригородное и, кажется, череповецкое, и я с удовольствием пообщался с рассыпавшимися по округе беспечными сталкерами, не признающими по жизни платных услуг...

(на этом рукопись обрывается...)

Паша Матасов

3.

Дневник

4 марта 2004

Днем звонил Веня и сказал, что ОНИ сегодня встречаются в справочном бюро Ярославского вокзала. ОНИ — это Витя, Веня и Паша, и встречаются они с целью покупки билетов до Вологды. (Мучительно — хочу ли я в Вологду?)

Вечер

Встречаемся с Олей и, опять же, пытаемся понять, а хотим ли мы — туда? Получается, что, кажется, хотим — ну да ладно, на месте решим.

В справочном бюро застаём Витю и Веню, рассматривающих карту Вологодской области. Билетов, как выяснилось, нет, но Веня с Витей с жаром пытаются убедить Олю в том, что наш будущий маршрут прекрасен.

Короче, всегда, когда я раньше ходила в походы, сам поход планировался как минимум за два месяца, и моих попутчиков заботили такие мелочи как, например, будет ли у нас палатка и еда — кроме чернослива и кураги, которые было разрешено взять из Москвы.

Ну что же, зато интересно!

5 марта 2004

Утро

Оказывается, билеты ночью купили, и об этом маме ночью же сообщил, как после выяснилось, Паша. Время было далеко за полночь, звонящий, выяснив, что я сплю, изумлённо переспросил: «Спит?!»

Вечер

Ура! Мы все встретились! Мало того, мы все поместились в один и тот же поезд! (За исключением героического Димы Торубарова, который выехал на 5 часов раньше). Мы с Алёной долго пытались отвоевать предназначенные нам места, впрочем, не сильно переживая — ведь билеты есть у всех, народу в вагоне точно не больше, чем мест, а значит, в любом случае, мы будем ночевать здесь. Купе, а в нем два места принадлежат нам — красота! Остальные ехали даже в разных вагонах.

Баиньки, баиньки!

6 марта 2004

На вокзале нас встречает зеленоватый Дима. Все вместе идём покупать билеты до ФерAPONТОВО, и обнаруживаем, что таковых не осталось — совсем! Так продолжается шикарная жизнь — едем на двух Волгах. Красота! Заснеженные поля, солнышко, небо синее, а в машине — тепло! Клонит

ко сну. Как верно заметила Оля, мы больше всего сейчас похожи на цыплят. Цыплята — они с такой же лёгкостью засыпают!

Приехав в Ферапонтово, зашли в монастырь, кинули вещи, заказали экскурсию. Экскурсовод прониклась к нам бесконечной симпатией, рассказывала, куда надо сходить, что посмотреть, где была она сама... Фрески хороши! Когда я была здесь прошлой весной, я почему-то была твёрдо уверена в том, что больше сюда не вернусь. А вот поди ж ты!

Дальше — перекус в магазине. Очень интересный жизненный опыт. Не выгнали нас, кажется, только потому, что нас было семеро, а продавщица — одна.

Потом мы шли на лыжах по озеру, потом по лесовозной дороге, пришли в деревню Мыс и попросились переночевать... Нас пустили, как это ни странно. В доме живет бабушка Александра Ивановна и Николай. Пока мы с девочками готовили ужин на электрической плитке (да, варить рис на плитке — эт сильно!), Николай рассказывал нам об Александре Ивановне, шумел и пил, а после того, как мы поели, он начал с новой силой буйнить, сломал замок, окончательно расстроил Александру Ивановну, и создавалось впечатление, что утихомириваться он сегодня не собирается. Тут за дело взялся Веня. Он, кажется, чувствовал себя в этой ситуации более свободно, чем все мы, но досматривать до конца спектакль мы не остались и по предложению мудрой Алёны втроем ушли гулять на улицу — чтобы не провоцировать, предоставив мальчикам разбираться с Николаем.

Полная луна, снег блестит, а звёзды большие-большие! Таких в Москве не увидишь даже в безлунные ночи! Во время нашей прогулки звонит Денис, справиться о нашем самочувствии. Оказывается, все, в общем-то, знают, что примерно такую картину можно наблюдать практически всегда, в каждой избе. Денис сказал: «Так читать надо, что пишут!». М-да. Вскоре после того, как мы вернулись в избу, Николай, надев куртку на голое тело, ушёл, и мы начали укладываться спать. Такое ощущение, что этот дом мы отвоевали.

*«Да так, верно, оно и есть,— продолжала Алиса. — Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?» **

7 марта 2004

Так приятно просыпаться — тепло! Сегодня ранний старт — мы вышли уже в 10-30, причём совершенно легко. Исключительный день — солнышко, сосны, небо синее! В этом, конечно, есть элемент эгоизма, но

чувствуешь себя как на курорте — усилий не затрачивается никаких, трудится только тот, кто идёт впереди и тропит. Потом, правда, начинается болото, которым нас пугали местные жители. Мол, не ходите туда, даже не пытайтесь, лучше поворачивайте назад, а кому сильно надо, те на автобусе потом до Кириллова доедут. На болоте — кочки, зато нашёлся куст чёрной смородины, и мы наломали веточек для вечернего чая.

В Нил-Сорской Пустыни единственный магазин оказался закрыт по случаю воскресенья, так что у нас снова курага, чернослив, и, как разнообразие, мороженая колбаса. Монастырь мы честно обошли кругом, а внутрь нас не пустили. Дальше шли по дороге, по которой за всё время проехало три машины. Наш караван растягивается, выделяется лидирующая группа, за мной в этот раз едет Витя и временами подбадривает.

На ночёвку мы останавливаемся в лесу. Когда человек снимает лыжи, он сразу же становится на полметра ниже тех, кто на лыжах. Поскольку очень хочется пить, я седа разводить примус и топить снег. И вот, не прошло и часа, как у нас есть замечательный черносморородинный чай — моя гордость! Утешает только то, что на костре его бы, наверное, было бы ещё дольше делать. Потому что костра не было..

Встаёт огромная жёлтая луна, на горизонте — низкие облака — красота! Под палатку вырыли большуую яму в метр глубиной, такую же под костёр.

Готовили ужин, пели песни акапелла. Была, среди всего прочего, исполнена песенка из мультика... Я этот мультик не помню, и, кстати, может, именно поэтому так интересно было узнать в исполняющем песню цыплёнке — себя! А цыплёнок пел: «Кокое небо синее, кокое солнце ясное! Ко-ко, ко-ко, кореко-ко!» А потом (как оказалось, это было три часа ночи) мы всемером поместились в четырёхместную палатку — зато не холодно!

«Останавливает гаишник Запорожец, и из него выходит шестнадцать нетрезвых людей.

— Мужики, — говорит гаишник. — Я вас не задерживаю ни за перегруз машины, ни за управление в нетрезвом виде с одним условием — завтра утром вы покажете, как в Запорожце 16 человек уместается.

На следующее утро в Запорожец залезло только пятнадцать человек, а 16-й ну никак не уместается, хоть ты тресни. — Слушай, а может, ты вчера ночью с нами и не ехал? — спрашивают пассажиры Запорожца.

— Да вы чего, парни, а кто ж вам тогда на баяне играл? »

8 марта 2004

Ужас! Обычно я просыпаюсь в числе первых, а здесь все уже давно встали, а мы всё спим! 10 утра!!! «Ах, мои усики! Ах, мои ушки!» Нас, позд-носпящих, осталось трое: Оля, Паша да я, а бедные ранние пташки уже и костёр развели, и завтрак приготовили!

Долгие, мучительные, медленные сборы, и вот в половину первого мы, наконец, стартуем. Сегодня, на праздник, погоды стоят предсказанные — солнечные и безветренные. А мы идём по полям. Местами чувствуешь себя как в океане — берегов не видно, снежные равнины соприкасаются с небом — ах! Идётся лениво, наверное, потому что заранее известно, что пройти сегодня надо немного. На одном из привалов завязался снежный бой — кажется, мы-таки Витьку победили!

Шли это мы, шли, и в какой-то момент из-за холма показался Кирилловский монастырь. Вот тут-то и понимаешь ощущения паломников, когда после дней пути видишь вдали купола храма! (Ко-ко!)

На автовокзале у нас образовалось полтора часа до отъезда автобуса, на который нам могли достаться несколько билетов. Веня, как командир, остался сторожить вещи, а мы пошли осматривать монастырь. Но сначала мы зашли в магазин и купили шоколадное масло, батон хлеба и букет зелёного лука — ко-ко! В Кирилловский монастырь я почему-то тоже не думала, что вернусь, а зря — зимой он смотрится совсем по-другому, чем весной! А вереницей ставить свечки к иконе Николы, по-видимому, стало доброй традицией!

Вообще-то обидно, что приключения кончились, и жалко уезжать. Нам продали билеты в автобус, плюс ещё 2 — на несуществующие места, так что ехали до Вологды мы все вместе, причём никто не стоял — подумаешь, уместиться на 5 сидениях, если мы уже ночевали шпротами! В Вологде, по причине отсутствия более разумных вариантов, купили билеты в общий вагон, в поезде сварили странную похлёбку из змеиных супчиков и зелёного горошка, а потом, мне кажется, даже все в итоге заснули, только это было уже очень поздно.

9 марта 2004

Расставаться тоже жалко, и это хорошо. Сначала прощаемся с Олей, Пашей и Витей, которым ехать на электричках, а в метро на радиальную Комсомольскую я спускаюсь уже одна, простившись с Веней, Алёной и Димой.

Большое спасибо — всем!

Дома я была уже в 6 утра, а чувство долга меня привело в этот день на работу... Опасное состояние абсолютного пофигизма, при котором главное — не делать резких движений, а то мало ли! Натворить чего-нибудь очень легко...

Саша Юркова

4.

Был март

После заточения в Москве, от солнца, воздуха и ослепительного неба немного шатало.

Весна чувствовалась в каждом вдохе, и в каждом луче, и белые сугробы вокруг только усиливали это впечатление

Весна, и странная, дурманящая голову, свобода.

Мы стоим и слушаем экскурсовода в Ферапонтово.

Ну может кто-то и слушает.

Я просто упиваюсь солнцем, небом и воздухом, и пытаюсь всё время улыбаться, заодно не очень шатаюсь, потому что голова ощутимо кружится.

Солнце слепит глаза и ерошит волосы.

Такое впечатление, что год не выходила из дому...

Экскурсовод говорила ровно столько, чтобы можно было надышаться, назагораться, укачаться, насмотреться на сверкающие дали и уже захотеть внутрь.

К концу лекции заодно обращаю внимание на поведение моих молчаливых спутников — все стоят как один и внимательно слушают.

Даже сама тётенька отметила оригинальность группы.

И явно по большому благу повела показывать фрески Дионисия, заботливо скрытые музейными работниками не столько от снега и ветра, сколько от оскорбительных взглядов «Посторонних».

Вообще я обычно равнодушно отношусь к историческим строениям, росписям и памятникам.

Но фрески Дионисия меня поразили.

Они были такие же синие, как мартовское небо, такие же светящиеся, как солнце, и при этом очень русские, как крестьянка с коромыслом, и платком крест-накрест

Они были настолько хороши, что не верилось, что человек мог так странно вложить в эти стены яркость, красоту, силу и веселье древней Руси.

Никогда я не видела ничего подобного.

Луч, падавший на стену, играл такими небесными красками, что стало жаль закрытости этой церкви...

Экскурсоводша на просторе продолжала свою речь, и я почему то почувствовала смутную гордость, оглянувшись на своих шутившихся спутников.

А что, кто знает.

Если есть на земле возможность родиться второй раз, то кажется я догадываюсь, среди кого сейчас стою.

В прошлой жизни эти люди наверно строили и расписывали церкви — не обязательно конечно эту...хотя....

Я представила, как молодой Дионисий, родившийся ещё раз в наше время, приходит к церкви, деловито сметает рукавом пыль с рисунка, и придирчиво всматривается — да... попортились конечно...

Стало как-то забавно.

Прошное не так уж далеко, как кажется.

Потом была дорога на лыжах.

Заходящее солнце.

Зима, сразу вспомнившая свои права с уходом светила.

Морозный узор на прибрежных растениях.

Деревья, снежные дали, сгущающаяся темнота.

И страх — обычный на закате.

Впереди ночь ;)

Потом была ночёвка в избушке.

С Бабушкой — старушкой и **ОЧЕНЬ** пьяным хозяином.

Не буду перечислять все мысли, которые у меня возникали по поводу вариантов развития событий.

Это было бы слишком страшно.

Первый раз тогда я оценила нашего командира.

Тихий и принципиально незаметный Веня спокойно сдерживал здорового деревенского мужика, с той же лёгкостью, с которой воспитательница в саду разговаривает с трёхлетним расшалившимся карапузом.

Мужик был больше Вени ровно в два раза и спокойно мог его например поднять.

Что Веню совершенно не смущало и лишь усиливало менторский тон Интересно, что это останавливало ничего казалось бы не сообщающего громилу.

Цепenea от этого зрелища, страшно было сдвинуться с места.

Тем более вариантов двигаться было немного.

Ночь.

Мороз.

Заброшенная деревня...

Если бы не Алёна, вытащившая нас на улицу, неизвестно, чем бы кончился спектакль.

А отсутствие женского полу среди зрителей быстро разочаровало актёра, и он демонстративно удалился, так и не дождавшись аплодисментов..

На улице была зимняя деревенская ночь — белый снег и россыпи звёзд.

Стог снега, игривая дворняжская собака, простор замёрзшего озера.

И Алёна под искрящимся небом, рассказывающая, как скучно жить...

Потом мы пошли спать.

Утро, день в пути через лес по сугробам и по азимуту.

Это когда дорога идёт вот так.

А нам совсем ВОТ СЯК — через лес — наоборот.

Запомнилось, что Венья абсолютно игнорировал сообщения лесорубов «Вы там не пройдёте».

Опять сверкающее солнце и странное открытие — если отстегнуть лыжи, проваливаешься сразу по пояс.

Димка Торубаров, который всегда пасёт нас сзади, чтобы никто не потерялся, и задумчиво делает вид, что фотографирует ёлки...

Нилова Пустынь — жутковатое местечко.

Маленький посёлок, ободранные задворки.

Население на первый взгляд не превышает 30 человек.

Женщины, дети и алкоголики.

Алкоголики допились до того, что не разговаривают, а только мычат и двигают конечностями.

К тому же они до жути похожи.

Все одного роста, цвета одежды и одинаковым странным выражением лица...

Говорят, в брошенном монастыре нынче сумасшедший дом и вышеупомянутые алкоголики ухаживают за сумасшедшими.

Стоящая компания...

На стене закрытого магазина плакат — все на выборы президента!

Скоро наступит этот день и все 30 человек этого посёлка придут на выборы.

Подозревает ли ПРЕЗИДЕНТ о существовании этого — и таких — мест в его стране ?

Видел ли он их ? Помнит ?

Небось и не в курсе даже. Да так и не узнает, по-видимому.

Я представляю, как продавщица этого магазинчика каждый день идёт на работу — вот из этого же дома (других-то как будто нету...)

И её соседи тоже идут к ней за покупками в магазинчик (другого-то тоже — нету...) Солнце спит глаза и не даёт задерживаться мрачным мыслям.

Сверкают сосульки и сияют железные листы на куполе бывшей церкви.

Провожает нас ватага мальчишек.

Глядя на них, я вспоминаю череду алкоголиков, встретившихся на улицах — Неужели эти пацаны будут ТАКИМИ ЖЕ?

Ну неважно. Уходим — не оглядываясь : Скоро опять вечер.

Финиш выглядит интересно — идём до 6 часов.

Как наступит 6 часов, впереди идущий останавливается.

Это меня злит несказанно, но к этому моменту даже догнать впереди идущего и высказать ему своё мнение представляется невозможным.

Ночёвка в снегу в палатке. Как я её боялась!

Так и боялась бы, пока мы не посчитались — нас семеро в зимних спальниках в четырёхместную палатку. Как ни странно, я сразу перестаю дрожать — независимо от температуры замёрзнуть в автобусе в часы пик невозможно! ;)

Наши радостно начинают пить, оказавшись вечером без внимания местного мужика (а с ним-то не стали)!

Пьют одинаково, но меняются по-разному — как в мультике — один превращается в птичку... другой в рыбку... Третий... Ну — во что-то ещё... ;)

Потом лезем спать. И спим как ни странно хорошо.

На следующий день — Кириллов!

Вышли из леса — идём по снежным полям. Только сейчас осознаю КАКАЯ ЖЕ МАССА снега лежит на Земле! И ведь ещё чуть-чуть — какая то неделька и он растает, он исчезнет ВСЬ! На самом деле это потрясающе. Идём напролом к видневшемуся вдалеке монастырю.

Солнце греет всё сильнее, и я уже на полном серьёзе опасаясь вступить на лёд озера — чего это оно замёрзшее в такую то жару ??

Очень странно сморится монастырь с этой стороны — я думаю о том, что ни в одно другое время года его отсюда не увидишь. А так — как будто идёшь по земле. И на ней кстати странные следы — интересная зверюшка бегала. А потом как будто ... улетела :)

Сашка съела берёзовую серёжку, чтобы проверить, жива ли ещё аллергия. Аллергия жива и Сашка падает прямо на ходу, не переставая улыбаться и хорошо выглядеть. От этого в её умирание верится плохо.

Идём осматривать Монастырь — вообще мы думали, что он действу-

ющий. Очень красив — но внутри ТАКИЕ сугробы, что его заброшенность сразу становится явной.

Очень большой — и даже есть мельница — но походить долго не удаётся — надо срочно бежать на автобус. Если на бегу оглянуться, можно увидеть потрясающе красивый закат! Но сильно оглядываться нельзя.

Каким то чудом мы влезает в один автобус. А так пришлось бы разделяться — не представляю себе даже! Долгая дорога в Икарусе, и какие то дикие истории Паши — показывая рукой на снежные поля и леса — вот тут мы... ХОДИЛИ. С ужасом смотрю в окно — где это тут можно ХОДИТЬ? Ночная Вологда. Общий вагон. Суп и котелке из кучи разных пакетиков. В каждой ложке непредсказуемой фигуристости макаронина. Девчонки засыпают в течение 7 минут. Я тоже падаю, но глаза стараюсь не закрывать — жалко. Откроешь — завтра...

Ребята пишут нам открытки, и глядя на них, я в очередной раз поражаюсь. Надо же. Нам. Пишут. И на фиг казалось бы. Им это надо?

Потом утро, Москва, и расстаёмся по-Рождественски — легко и быстро.

Пока — пока.

Увидимся!

(Нет, ну конечно было много ещё всего. Венины уговоры на вокзале ПЕРЕД поездкой — он не мог назвать откуда мы вообще будем возвращаться, а на попытку что-нибудь выяснить смеялся, как 10-летний мальчишка. Витька, который что-то говорит мне в электричке, пытаюсь успокоить перед грядущим походом, а я не слышу и туго смотрю в окно на снег не в силах отвлечься... Ещё не описано яркое желание всех убить и одновременная невозможность догнать — перед ночёвкой в избушке, и разбитые колёнки на неожиданно посыпанной песком дороге, ну и так далее.)

Кроме того — я ведь ныла всю дорогу — и никто не упрекнул меня ни разу! Помню лёгкую ошалелость от терпения и заботы окружающих людей...

Поездка была яркой, очень запоминающейся, и какой-то особенно счастливой.

Она дала силы ездить и шевелиться дальше, потому что всегда потом перед сложностями и нежеланием куда-то двигаться вспоминалось яркое Феррапонтово и надёжная компания.

Наверно, виноват был месяц Март и сияющее солнце.

Ольга Фатуева

5.

Белое, чёрное
и глубоко — голубое

Из дневников А. Пятницкой

Мои товарищи шалели от окружившей нас белизны. Мартовское солнце слепило и усугубляло. А моя душа скомкалась. Это было очень неудобно, т. к. затекали руки и ноги, но она-то думала, что так безопаснее. Видно, отдалёнными предками моими были страусы. К тому же погружённая в проявитель ферапонтовских снегов, она становилась всё чернее. И тяжелее. Хоть и имела одно удивительное свойство терять вес во время пути, когда вся цель — в движении, и тело естественно следует первичным навыкам прямохождения, только успевай за ним. На остановках же первые роли получает душа. Но я-то понимала, что в таком виде её лучше никому не показывать и старалась запихнуть поглубже. Но уж очень многосторонней она оказалась. Спрячешь одну сторону, а тут глядь — другая торчит. Это я поняла по отдельным высказываниям некоторых наблюдательных соратников, сравнивающих меня с Алёной Игоревной из небезызвестных «Чародеев», у которой на сердце поселилась «стужа лютая».

Фрески Дионисия... Наконец-то вы распахнули мне свой мир. МИР. То, чего так не доставало тогда, да и сейчас, моей душе. Вы звали, жаждали, чтобы я растворилась вместе с вами в глубоком-голубом. Среди вас уже состоялось всё, и вы щедро делили это с каждым входящим. Но могла ли я... О, как явственно и отчаянно чувствовалась тогда собственная малость, бездеятельность и губящее молчание! Как рада была до слёз, что вы есть. Но как отчётливо не могла протянуть вам руку, отгороженная то ли самостью, то ли непройденностью пути, а может цепкие лапищи темноты удерживали меня от этого жеста, не знаю. И тогда ваша глубокая ладонь легла мне на плечи. Счастливый миг! Может быть, наш будущий разговор будет чуть более связным и продолжительным. А пока...

Пока впереди лежало Сиверское озеро с градом Кирилловым на боку и моими друзьями на его белой распахнутой груди, куда извилистым, потаённым путём ещё предстояло добраться моему сердцу.

6.

История одного тихого помещательства

Жили-были семеро друзей. Жили они вместе всю зиму единой стаей, как воробьи в стужу, да вскоре пришла весна и стало ясно: вот-вот кончится их дружное время, разбредутся они кто куда в разные стороны, и некогда им будет собраться вместе. Потому как зима была на всех одна, а лето у каждого своё. И спросили друзья друг друга: а не выбратся ли напоследок куда-нибудь вместе, да так чтобы и дорога была на всех одна и кров? И было сказано тогда: «Зачем?» И решено было отправляться в путь, а в пути-то и разузнать хорошенько: «Зачем?»

А как собрались вместе, так и потянуло их далёко на север. Добирались оне всю ночь и ещё полдня. И предстала пред ними чудна обитель. И вошли оне под высоки своды, и спросили о своём просветлённые лики. Но лики молчали, и только радовались, тихо глядя на них...

И потянулись путники вслед за солнцем дальше на закат. И шли они долго по заснеженной глади застывшего озера. Но задул полночный ветер, и налетела птица чёрная ночь. И было сказано тогда: «Ой!» И вселились в души их робость и неуют. И страх одного был продолжением другого.

Но явился в последнюю минуту тихий мыс на дальнем берегу. А на мысу том избушка. И жила в той избушке старушка, и приютила она их на ночь. А при старушке жил петушок - заводной гребешок. Вот промочил он своё горлышко и стал кукарекать. А вот как принесу я косу, да всё тут разнесу... Иду-иду скоро, на ногах шпоры, несую острую косу, всем тут головы снесу. Достал он свою косу, пришёл удаль показать, да заводка кончилась, на том успокоился и ушёл восвояси.

А путники остались ночь ночевать, да сказки пересказывать. Поутру проснулись они тихие да светлые, и показалось им, что живут они здесь не первый день и знают друг друга много лет. Покушали чайку, и давай добрую старушку спрашивать, а она рассказывает им про своё житьё-бытьё, да про свои горести, а сама всё смотрит на них и радуется.

Так и сидели бы друзья за чашкой чая и слушали, да в путь-дорогу

пора... Собрались они, попрощались со старушкой и петушком, и отправились дальше в дремучий лес непролазный без путей и прочих дорог. Долго ли, коротко, сквозь чащи да буераки, а вышли они на опушку, а на опушке той чудное селение. Башни сверкают — кресты на солнце золотятся, и люди там чудные, по всему видать, всё понимающие. Хотели выяснить о своём наши странники, да ничего им не отвечают здешние обитатели. Всё только улыбаются, да радуются, глядя на них.

Ничего не поняли друзья и повернули на юг, а на юг расстилалась дорога — скатертью. Легко по ней было топтать и весело. Вот шли они шли, никуда не сворачивая с верного пути, и ни о чём таком не задумываясь. Но стало смеркаться и спустилась с небес птица чёрная ночь. Сурово взглянула она на путешественников. И некуда было укрыться от неё, негде сыскать приют. И было сказано тогда: «Здесь.» Делать нечего и отступить некуда. Собрались друзья в единый круг, и тут расцвёл пред ними огненный цветок. Стало тепло и светло на душе, а в глазах чёрной птицы засверкали звёзды, она пристроилась рядом, присмирела и просидела с ними до рассвета.

А друзья всё глядели на огненный цветок, желая узнать: «Зачем?» Да только весёлый огонь ничего им не стал объяснять, а только всё плясал от радости, глядя на них. И всем хотелось петь и смеяться. И смех одного был продолжением другого.

Утомонились они к утру, а когда проснулись, собрали свои пожитки и повернули на восход. И расстилались перед ними поля белоснежные, открывались дали безмятежные. И след одного был продолжением другого. И стоял вдали чуден град на берегу озера. А как подошли они к стенам, так увидели, сколь пречуден град, хоть и не велик. А хоть и не велик, да не постичь его с наскоку, не разгадать. Да пора наступила возвращаться восвояси, чтобы расстаться на следующий день.

Так стояли они у стен и думать забыли: «Зачем?» И ничего не сказали себе. Только тихо радовались, глядя друг на друга.

Веня Грузинов

III

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СОБАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

Я — Корсар, черный колли с белым галстуком и белым пятном на загривке. Я красив и благородно выгляжу, впрочем, это свойственно нашей породе. Я родовит, но в этом я своей заслуги не вижу — так уж получилось. Если честно, то и пользы от этого почти никакой. Но надо же знать своих предков — так вот, пожалуйста.

Мой отец — Эбони зе Злате Яльни (эбонит в золотом ободочке) — поляк с испанскими корнями (колли — естественно), а мама — Консуэлло Моридез (в просторечьи — Коська) — хоть и родилась в России, но из благородных родов шотландских овчарок Германии.

У нас принято, чтобы детей называть по именам, начинающимся так же, как и у одного из родителей. На букву «Э» подобрать кличку сложно, значит, надо подбирать на «К». Была у моего хозяина мысль назвать меня Кондратом. Но человеческими именами называть собак нельзя — это может оскорбить людей. (Это правда. Хозяин рассказывал про геологическую собаку по кличке Адамовна. Геологи щеночка подобрали у деревни Адамовка и назвали Адам, перепутав пол. Когда разобрались с полом (щенок был лохматый), то Евой решили не называть. Так вот, Адамовна любила исчезать перед самым отъездом геологической партии. Звали её сердито, добавляя к её имени всякие выражения: «Адамовна...! Адамовна — вот сука! Куда же ты, мерзавка, пропала?!» Начальник соседней геологической

партии Галина Адамовна Шляйцер — дама пожилая, сухая и чопорная, бывала в такие моменты очень недовольна).

Так вот, Кондратом я не стал. Хоть может и зря. Идея назвать меня Корсаром принадлежала хозяйке. Хозяин поддержал — молодые они были, глупые и напыщенные. Ну а мне что — Корсар так Корсар. Я же таких тонкостей не понимаю.

Маленькие долго не могли понять смысла моего имени — им это казалось именем собственным. А когда старшей растолковали, что корсар — это пират, промышляющий разбоем преимущественно у побережий морей и океанов, то она очень развеселилась и целый вечер теребила мне шерсть и повторяла: «Пират — береговушка! Пират — береговушка!». Я был не против, мне это почти нравилось.

Между прочим, когда мне было года три, мои хозяева и их друзья пытались на мне определить, как собаки слышат и понимают слова. Было высказано предположение, что собаки улавливают только звучание. Они стали мне кричать: «Пожар!», а потом — «Кошмар!». А я реагировал — бросался к ним на зов, вилял хвостом и преданно смотрел в глаза. То есть считал, что зовут меня — «Кошмар!»... Не очень-то красиво с их стороны.

Вообще-то говоря, я — подарок. Хозяйка решила подарить хозяину собаку на день рождения, и меня привезли в дом почти что в срок.

Хотели они завести собаку давно. Ну, это правильно. Что ж за дом без собаки. У них была маленькая, тогда ещё одна. Хозяйка и решила завести собаку, а потом ещё одного маленького. Я родился 31 марта, а у хозяина день рождения — 12 мая. Сперва они ездили выбирать меня, когда мне было 2 недели — в середине апреля. У нашей мамы Консуэлло — Коськи нас было семеро братьев и сестёр. Её увели на улицу, когда мои будущие хозяева пришли — чтобы не покусала, а хозяева могли спокойно брать нас на руки и рассматривать. Мои хозяева меня выбрали за несколько особенностей моего поведения. Я был самый толстый и крупный. Не испугался, когда они позвенели связкой ключей, а начал на этот звон тявкать. Когда меня взяли на руки, чтобы рассмотреть, а потом отпустили, то сильно толкался, растолкал своих братьев и сестёр, чтобы оказаться в центре спящей кучи щенков.

Хозяин любил вспоминать, что я уместился у него на ладони, и только хвост свисал. А то, что был самый крупный и толстый, то этим решением дама, которая осуществляла консультации хозяйке по выбору щенков, была очень недовольна. Считается, что в России вырождение пород идёт через увеличение размеров собак. И поэтому (во всяком случае в то время) ценились некрупные собаки.

В день рождения моего хозяина меня забрать не получилось, и хозяйка меня забрала днём позже. За месяц я очень вырос, так что она узнала меня только по белому пятну на воротнике. И сумку она взяла небольшую — я в ней не помещался — в полтора месяца мы уже не совсем маленькие. Мне было страшно без мамы, братьев и сестёр — меня забрали первого. Я плакал на пути в дом — и люди в электричке неодобрительно глядели на хозяйку, будто она издевается над щенком. А в доме я забился под табуретку в углу кухни — и не хотел оттуда выходить, я боялся. Всё было незнакомое. Ночью я несколько раз пытался найти маму, братьев и сестёр. Ведь с ними так тепло и спокойно. Не найдя, я принимался скулить. Наконец, я нашёл себе место под тахтой у хозяина и хозяйки. Всё-таки какие-то живые существа.

Ещё спасибо, что они меня в первые дни не запирали в кухне. У них кухня и прихожая отделяются от жилых комнат дверью. Через неделю, когда я пообвык и начал им радоваться, они стали запирают меня в прихожей на ночь. Странные люди. Это ли не прекрасно, когда тебя будит легкий толчок в щёку холодного мокрого носа — ненамного раньше, чем будильник, но всё равно уже тогда, когда они начинают просыпаться и ворочаться.

А ещё меня стали выносить гулять. Какое счастье! Как я бегал по траве. Пушистый щенок на толстых щенячьих ногах. От радости я просто дурел. Как выяснилось потом, хозяева рисковали — по незнанию. Считается, что первые 40 - 50 дней у щенка — материнский иммунитет, а прививать начинают с трёх месяцев. Они начали выводить меня гулять до прививок. Сейчас так не делают.

От меня прятали обувь. Но я съел не так уж много, ну, ножки стульев погрыз чуток, так это ерунда. Нет, я был хорошим щенком. Когда мне стало 4 месяца, хозяева спохватились, и перестали кормить меня досыта. Им, видите ли, сказали, что я слишком толст. А кушать-то хочется...

В шесть месяцев я уже хорошо понимал, что делать можно, а что нельзя. И как-то раз совершил преступление. На сковороде была только что поджаренная яичница, а сковорода стояла не на столе, а на шкафчике для овощей — пониже, и я сумел до неё дотянуться и, встав на задние лапы, передними оперся о сковороду. Сковорода стояла не всей плоскостью на шкафчике, край выступал за его пределы. Одним словом, сковорода перевернулась. И ударила меня по голове. И с грохотом покатила по полу. Я бросился в ужасе бежать. Хозяева пытались сделать вид, что сердиты, но долго смеялись.

Я был уже недопёсок, когда появилась маленькая. Я это не очень помню. Когда она стала ползать на четвереньках, то воспринимала меня, как игрушку, и довольно больно выщипывала волосы. Я старался уйти. Я понимал, что она моложе меня. Нет, я её не кусал — терпел. Хозяйка даже вспоминала потом: «...вхожу я как-то в комнату и вижу — на собакиной морде выражение, что он терпит. Тоскливо так, но терпит. А сзади собаки стоит Танюша, держится за собачий хвост и задумчиво выщипывает из хвоста волосок за волоском».

А вот старшую я как-то раз укусил сильно — ну не очень сильно, конечно, не в полную силу, но следы зубов остались у неё на руке и были видны отчётливо. Впервые меня хозяин бил ногой. Было очень больно и страшно. Но ей было 6 лет, а мне — 7 месяцев, и по возрасту мы были равны. Кто из нас сильнее — конечно я, а ей показалось иначе. Что было — то было. Я так и не научился относиться к ней, как к хозяйке. Хоть потом и любил. Я люблю всех хороших людей.

А вот тот удар ногой... Эх, хозяин, хозяин, ты, конечно, прав был, что такие вещи надо пресекать — нельзя собаке быть старше хозяина и его детей. Но только у меня впечатление, что через много (по собачьим меркам) лет этот удар ногой по брюху — да... не прошло это просто так. Мы ведь, вообще-то, почти не чувствуем боли. Ну, там, лапу отдают — это больно, конечно, а вот по заду — да бей сколько хочешь (в смысле мы понимаем, что это наказание, но это почти не больно). А вот тогда — сильно ты меня ногой. Да ещё и по брюху...

Быть юным — замечательно. Быть молодым — ещё лучше. В соседнем доме тоже был щенок — Сэм, Сэмочка, Сэмуля — немецкая овчарка. Похоже, мы были не просто одногодки, а и одного месяца. Месяцев до трёх мы дрались играючи. А потом он меня прикусил не в шутку. А я его. Хозяин Сэма тащил его за задние ноги. В шесть месяцев он был уже ощутимо тяжелее меня. И в драке я больше оказывался внизу.

У меня-то хозяева были строже, и воспитывали меня серьёзно. А у Сэма хозяин был не мягковат. А просто... Ну что такое: «Сэмочка, ну как ты можешь обижать Папу?» — это к такому-то крокодилу. Сэмуля вырос главнее хозяина. Он что считал нужным делать, то и делал. Никогда не шёл по команде «Ко мне». Его перестали спускать с поводка. И при этом хозяин восхищался им. Людей Сэмуля кусал, а это... плохо... Это я потом понял.

Как-то раз их соседка по лестничной клетке зашла к ним позвонить (у неё не работал телефон). Телефон стоял в прихожей на тумбочке. Соседка взяла трубку — Сэмуля из положения лёжа прыгнул и прокусил руку

выше кисти. Она же взяла хозяйскую вещь. И хозяин восхитился им в очередной раз. В полтора года Сэмуля крепко покусал шестерых людей. Его боялись все. Если у хозяина Сэма не было времени вывести Сэма на улицу, то его выводили его Хозяйка и её мать — на двух поводках, пристёгнутых к одному ошейнику Сэмочки. Иначе сил не хватало. Плохо кончил Сэмуля, а кто виноват? Да хозяин его, кто же ещё? Всё-таки люди главнее. Мы хоть и много понимаем, но наша мудрость — не в том, чтобы быть главными. Наша мудрость — чтобы любить хозяев, и оберегать их. Вот.

Я — воспитанный пёс, это я говорю без ложной скромности. Это и порода, это и мои предки, это и отношение к хозяевам, и отношение хозяев ко мне. Ну и воспитание на собачьей площадке. Меня стали водить на площадку с восьми месяцев. Мне это нравилось, но не очень. Нравилось то, что было много собак. Не нравилось то, что заставляли что-то делать, не всегда нужное, по много раз. Ну, если что нужное, это я и так понимаю. Команды «лежать», «сидеть», «барьер» — это почти в удовольствие. Раз надо — сделаем. «Охраняй» — и так всё ясно. «Фас» — и объяснять не надо — только покажи — а мы уж... А вот «рядом», «место», особенно «рядом» с поворотами на месте, или в наморднике — не люблю.

Мне нравилось, что мой хозяин тоже был немного щенок. Он ходил на эту площадку ещё более серьёзно, чем я. То есть наверняка более серьёзно. Ах, собачья площадка, сколько историй там рассказывают. Ну об этом потом. Перед экзаменами мы волновались не меньше, чем перед экзаменами, когда хозяин был студентом. Ближе всего мы были к провалу, когда надо было не съесть прикорм, а равнодушно пройти мимо. Ещё хорошо, что судья прикармливал сухариками — а не колбасой. А вот когда они набросали прикорм на траву — тут хозяин послал меня «гулять» немного в сторону от прикорма. Он-то знал, что я могу подобрать съестное с травы — ну из любопытства, хотя бы. Мнения судей разделились — одни хотели, чтобы хозяин его послал «гулять» прямо к прикорму. А другие говорили — пусть гуляет, где хочет. В общем, сошло. С руки я прикорм тоже не взял — ну тут скорее заискивающий голос судьи мне не понравился. Да опять-таки прикорм — всего лишь сухарики.

Единственные штрафные очки мы получили за команду «апорт». Я палку приносить люблю — но когда игра, а не по команде. А по команде — не люблю. И отдавать в руки не люблю — пусть сам забирает, если ему это нужно. Так что когда я хозяину эту палку принёс — он выхватил её у меня из пасти. Минус 4 балла. Хозяин был опечален. И рад одновременно, т.к. мы из первого класса обучения «Общий курс дрессировки»

(ОКД) перешли во второй класс «Защитно-караульная служба» (ЗКС). В ЗКС всего три предмета:

- охранять вещь хозяина;
- фас;
- выбрать вещь, пахнущую известным запахом — это отыскивать преступника.

Фас — весёлая команда. Мне нравилось. Впрочем, думаю, я — тогда уже одиннадцатимесячный недопёсок, не воспринимал её всерьёз. Ну одиннадцать месяцев, господа, что ж вы хотите. Ну, конечно, я с радостью рвал рукава ватника у инструктора. И на горло бросался. Но всё же — игра это. И прав был хозяин, что не был уверен — как бы я поступил вне собачьей площадки, если б кто напал.

Два случая было. Один раз на прогулке встретили мы женщину-малыра в ватнике зелёного цвета, как у бандита на площадке. У меня шерсть на загривке поднялась дыбом, и со специальным глухим рычанием я на неё кинулся. Ну это же был бандит, которого надо рвать!.. Хорошо, что я был на поводке. Удержал хозяин... А тётка здорово ругалась, громко и со вкусом.

Другой случай был на самом деле серьёзный. Хозяин вывел погулять меня, маленькую и старшую. Старшей было шесть, а маленькой — полтора годика. Была зима, маленькая сидела в санках. На обратном пути к хозяину пристал высокий пьяный мужчина со словами: «Дай закурить!». Хозяин не курит, но этот стал приставать всерьёз, хватать руками, маленькая испугалась. Тут хозяин тихо сказал «Фас», и я чётко выполнил команду и схватил, как положено, его за кисть правой руки — без шума, поскольку не успел распалиться. Я его прикусил не в полную силу, но этого хватило. Я (да и хозяин) не ожидали, что этот мужик побежит. А маленькая сильно испугалась, и дома ещё долго повторяла: «Боюсь дядьку».

Здесь надо сделать отступление. Хотя я и подарок, а заводили-то меня для охраны.

Времена были беспокойные, в доме две маленькие девочки — собака не повредит. Но ведь дети — совсем злобную собаку не заведёшь. Надо, чтоб для детей, ну если не нянька, то хоть друг. Немецких овчарок хозяйка не любит — за выражение на морде. Гладкошёрстных — нельзя, у хозяйки аллергия на гладкошёрстных. Колли — в самый раз. Да вот только добродушные мы, колли, как правило. Да и хозяева тогда были добродушными. Ну какому же мне ещё быть? И я очень любил встречать гостей. И радостно бросался на них — лапами на грудь (Хозяина я так несколько

раз от радости стукнул зубами по лицу — чтобы лизнуть от души).

А от меня ждали охраны дома. Один раз пришёл сантехник что-то чинить — а я хотел его встретить. Я — большой чёрный пёс — решительно двинулся на сантехника — тот испугался. Хозяйка вовремя схватила меня за шерсть воротника (дома-то я хожу без ошейника). А я всего-то хотел его облизать.

Стали думать, как меня растравить. Считается, что лучше всего нанять какого-то незнакомого, чтобы он пришёл в дом и побил (не очень сильно) собаку. Но где такого найти. Хозяин стал уговаривать своего товарища — зайти к нам в дом и поколотить меня. Видно было, что его товарищу неудобно было отказать. Но он отказал (и был прав!!!).

Молодой был хозяин, глупый, может быть, в чём-то глупее меня. Чтобы сгладить ситуацию, товарищу предложил подойти к очереди в винный отдел со словами: «Они за 3 рубля твоего Корсара отметелят по полной программе». От этого, в свою очередь, отказался хозяин. Так и остался я не битый и добродушный.

Надо сказать, что городские квартиры собаки не очень-то охраняют, не все во всяком случае. Своё, конечно, только чётких границ нет, где своё, а где нет.

На даче, за городом, там любая собака начинает охранять. Из этого следует, что собака должна жить в естественных условиях. А городские квартиры — это не естественные условия. Только как же они там без нас. В доме должна быть собака. Ну, кошка, на худой конец. Что ж за дом без собаки.

Преимущества — масса. Самое главное преимущество: жена мужа в доме встречает радостно не всегда, уже на втором году замужества скорее по обязанности, чем искренне. И муж жену когда радостно встречает, а чаще спокойно приветливо. Маленькие дети радуются приходу мамы и папы, постарше — встречают спокойно равнодушно, а иногда и не замечают прихода родителей (я не говорю про неблагополучные семьи).

А вот собаки... приходу хозяина или хозяйки... мы рады всегда-всегда... даже когда мы старые и помирать пора. Ну, что правда, то правда, корысть, конечно, есть. Приход хозяина — это скорее всего выход на прогулку. А выход на прогулку — это и вообще выход в мир, со всеми его запахами, и свежим воздухом, и другими собаками. Это и возможность в туалет сходить. Вот поживите вы, когда в туалет Вас водят два раза в день (в лучшем случае три). Да вы и не замечаете это — когда надо, тогда и идёте. А вы вот попробуйте — ещё как обрадуетесь возможности.

Да ладно, это уж всё вместе. Не ради этого мы хозяев встречаем. А от счастья встречи, от радости, от любви. Облизать его всего, самого главного и самого хорошего. Умеете вы, люди, так радоваться? С виду — да, иногда — это бывает и у вас, то что вы называете щенячьими нежностями. Да только у нас это действительно встреча с самым важным в жизни — с Господом в лице хозяина. У вас, даже когда вы осмеливаетесь это делать — это же обожествление себя — прекрасьенкой / прекрасенького — а это разные вещи. «Жена да убоится мужа своего» — люби в муже Хозяина — Господа, а не себя, со щенячьей радостью. В себе — можно.

Так это я просто, как собака встречает хозяина. Господи, сколько счастья. Даже самый грозный волкодав, и тот повизгивает и подпрыгивает. Говорят (ну тут сложно — кое-кто считает, что всё это выдумки), что за день на хозяина налипает много чужой (часто негативной) энергии. Вот и бредёт он домой, усталый, голодный, иногда злой, с просевшей, искажённой аурой. Видим мы это, видим, не волнуйтесь. И снимать всё это негативное — не наша осознанная задача, а наша непосредственная (т.е. подсознательная) задача — от любви, то есть. Ну что, понятно? А ведь это только первое преимущество от собаки в доме.

Второе преимущество — искренность. Собака в доме всегда искренна и не лицемерит. И уж никогда не выгонит из дома хозяина или хозяйку. Да собака их обоих любит. И кто б не ушёл из дома — переживает. Хорошо иметь собаку в доме.

Третье преимущество — гулять. Хочешь — не хочешь, а два (а лучше — лучше!!!) три раза гулять собаку надо. Дышать свежим воздухом. Ощущать мир — а то с ума вы сойдёте в своих коробках. Ну полезно это.

Четвёртое преимущество — вы же начинаете общаться благодаря собакам. Узнавать и здороваться с соседями. Делиться новостями (пусть хоть и о собачьих делах). И Вас узнавать в безликой толпе начнут — благодаря Вашей собаке — очень часто такое встречается. Ходил, к примеру, Иван Иванович Иванов на работу — каждый день к 9:00, приходил домой к 19:00. Рост 175 см, сложение среднее, волосы тёмные. Присмет нет, лицо обычное. Миллионы таких Иванов Ивановичей. А вот завёл Иван Иванович собаку — сразу жизнь его изменилась. И узнавать его все стали — вот хозяин Рекса идёт — Иван Иванович. Так он и лицо обрёл.

Есть ещё преимущества, хоть и не столь отчётливые. Мы и семьи сближать умеем, и детей любим. Да и не только детей. Эх, люди, люди, что вы в любви понимаете...

Ну и напоследок, дом-то мы временами охраняем. И тоже по-разному. Тут ведь главное — голос подать. Вот и выходит, что болонка с неустойчивой психикой охраняет дом лучше, чем спокойный и уверенный в себе сен-бернар. Хотя я что-то не слышал, как обворовывали квартиру, в которой живёт сен-бернар.

Вот ещё преимущество. С лохматых собак шерсть. Если её не вычёсывать, то она по всей квартире, и на коврах, и на паласах. А если её вычёсывать — так ведь это ж сокровище. Шерсть у собак, как правило, серая, даже когда собака чёрная. Это ж подшёрсток. Вот что ценится больше всего. То есть у собаки есть ость — это толстые жёсткие волосы — они есть даже у доберманов. И подшёрсток — мягкий, ласковый, пушистый. Для детей очень хорошо. Теплопроводность — ниже, чем у овечьей шерсти. У собаки шерсть, как трубка — волос полый. Вот и теплопроводность снижается. Как правило, (ну уж это зависит от породы), собачья шерсть хорошо прядётся. Говорят, что дамы, специализирующиеся на пряже собачьей шерсти, неплохо зарабатывают. Ну ещё бы, они ж половину шерсти себе оставляют.

Из моей шерсти хозяйка вязала маленьким носки, варежки. Хозяину достались носки тоже. И он их носит как специальные спальные походные носки по сей день. Они, конечно, не носки — то есть вытираются быстро. Так ведь хозяин-то их использовал как специальные спальные носки — для диких выходов в дикую жизнь. Даже отцу хозяина достался пояс из моей шерсти — от радикулита. А ещё хозяин получил наколенник из моей шерсти. Он (наколенник), жив и сейчас. Он греет! И согревает!!! Вот! У хозяина были проблемы с коленями. Болели. И он надел наколенник (связанный хозяйкой) на колено. И не снимал. Полгода. Чесалось — но он не снимал. Только когда мылся. И что же — колено-то прошло. И прошло не на 2 недели, а вообще. Вот.

Хотя... хотя эффект пошёл, когда хозяин стал очищать свой наколенник (из моей шерсти). Шерсть набирает пакость (чёрное негативное) — выкладываешь его на солнышко — 5 часов, и вся пакость уходит. Эх, что бы Вы понимали — уж это я не прошу, вы б хоть слушались нас иногда.

Правду сказать, мне не нравилось, когда меня вычёсывали. Они ведь меня даже овцой называли. А это — это оскорбление. Благородный род овчарок из Шотландии пас овец с момента начала мира (шотландских овчарок). И только за то, что мы можем давать шерсть (очень хорошую), называть нас овцами — ну..., это плюнуть в самую душу. Я помогаю, как могу. И шерстью — мне ж не жалко. Но когда собаку овцой называют — неприятно. Неужели Вы можете сравнить овцу с собакой???

Ещё из историй про собачью площадку. Там ведь я впервые полюбил — ну, наверное, как вы, люди (то есть на более низком уровне, чем мы — собаки). И была там очень симпатичная коляша, Мэгги. Она была старше меня на год. Ну и что! При виде её мне пелось. Я и пел. И получал концом поводка по задку... А ведь она такая милая... А хозяин шипит страшным голосом. Вот и всё. Хотелось быть рядом с ней. Она же такая... Да, это уровень людской любви. Что ж, и нам это не чуждо.

А про грязное, грязное есть и у людей, и у собак. Не буду говорить про людей — не мне их судить. А про собак — когда мои хозяева поняли, что к моему размножению им придётся приложить много усилий, то они приняли решение меня не размножать. Чтобы я прожил жизнь холостяком — в кругу человеческой семьи. Дело в том, что собаке-дамочке достаточно получить хорошие оценки на выставках, и пригласить отличного кобелька. А кобелю надо быть чемпионом. Вот и выходит, что вяжется один кобель из десяти. Так остался я девственник, хоть и не монах. Нет, монахом я себя никак не могу назвать.

Так вот я и говорю — любовь. И между собаками бывает любовь, и между людьми. Право слово, собаки это не абсолютизируют, не то, что люди. Для собак любовь к Хозяину — это всё. В конечном итоге это любовь к господу. А у людей — они попусту абсолютизируют отношения, и при этом считают преступившего эти отношения клятвопреступником. А ведь любовь к господу — это намного выше. Эту любовь нельзя преступить. От неё можно лишь отказаться. А по сути — по сути это самый сложный момент по укрощению самости для женщины. Она же торжествует, а собака — она волю господу исполняет.

Несколько историй про собак дворника Володи. Дворник Володя не всегда был дворником — когда-то он был инженером в НИИ, носил очки, бороду, и на лице его было написано, что на нём может ездить всякий. Так и было. Инженер Володя женился, и, для решения квартирной проблемы, пошёл в дворники. Вернее, сперва он женился, завели они дочь и собаку. А поскольку квартирная проблема не решалась, а завёл он ньюфаундленда-водолаза, то и пошёл он в дворники. И получил малогабаритную квартиру на первом этаже. И завёл ещё одну собаку — на этот раз пекинеса. Нельзя сказать, что он очень упёртый — просто скорее чуткий к велению судьбы (как мы — собаки). Ньюфаундленд Ян имел щенков, одного щенка, по закону, берёт хозяин кобеля (или деньги за этого щенка). Дворник Володя взял щенка, да так и оставил его у себя.

А вот теперь представьте, сколь величественно выглядит дворник Володя, один или вместе с женой выводящий на прогулку ньюфаундленда Яна, ньюфаундленда Жура (его сына) и пекинеса Феба. Это же процессия. Ньюфы были под стать дворнику Володе — особо ни к кому не приставали и не обижали, и сами между собой не грызлись. Приставать к таким небольшим медведям не было желания даже у собак. Пекинес Феб гордо трусил на своих коротких ножках. Надобно сказать, что Фебу всё-таки доставалось от ньюфов — они его не кусали, и относились вполне уважительно, особенно Жур, который был моложе Феба. Но тесно очень у дворника Володи в доме — даже собакам толком не повернуться — и временами на Феба наступали — он визжал, стремясь сохранить достоинство. В целом они очень мирно жили. Да и то сказать, если глава семьи такой миролюбивый и мудрый человек — естественно — и собаки будут такими.

Дворником Володя был очень хорошим. Его участок — это вокруг нашего дома и вокруг нескольких окрестных — всегда был очень хорошо выметен, снег он начинал убирать, ещё когда снег падал. Ну а насчёт известности — без преувеличения дворник Володя был самым известным человеком квартала. Он не пил — но все алкоголики района были рады с ним пообщаться. Но не только алкоголики — среди неалкоголиков его знакомых было намного больше. Он охотно прерывал свою работу — уборку участка, если мимо проходил кто-то из знакомых, особенно с собакой. У него всегда находилось приветливое словцо для проходящей собаки, а для хозяина нет ничего лучше, чем доброе слово о его собаке.

Но вот история, может быть, не очень хорошо характеризующая собаку Яна дворника Володи (тогда он был ещё инженером). Инженер Володя жил ещё тогда в Крылатском, и вывел погулять ньюфаундленда Яна (тогда ещё только одну свою собаку) в район велотрека. А ньюфаундленд Ян не любил велосипедистов (это выяснилось потом). Хозяин Яна Володя подошёл с Яном к велотреку. День был хороший, Володя решил посидеть, полюбоваться окрестностями, сел на лавочку, а к лавочке привязал поводок собаки Яна. По трассе ехал велосипедист. Ньюфаундленду Яну он очень не понравился — как-то внезапно. И он рванул. И вырвал лавочку. А Володя, естественно, упал на землю ногами вверх. Но Ян-то помчался за велосипедистом — с лавочкой на поводке. Велосипедист увидел, что его настигает огромная страшная чёрная лохматая собака с лавочкой на поводке. Он успел отстегнуть ноги от педалей, бросить велосипед и залезть на дерево, по счастью росшее близко к треку. Когда Володя подбежал к дереву, то внизу бесновался Ян, а наверху отчаянно матерился велосипедист. М-да, не очень красивая история, хоть и весёлая...

А вот другая история. У дворника Володи делали в квартире ремонт. Тогда у него жили уже три собаки. Дворник Володя представил Яну (как старшему) двух тёток-малярш, которые могут входить в квартиру в отсутствие Володи и других членов его семьи. Как-то раз работу этих тёток решила проверить их бригадирша. Но её-то Яну не представили!!! Когда эта бригадирша вошла в квартиру, ньюфаундленд Ян просто встал на задние лапы. А передние положил на плечи бригадирше, так что его морда оказалась напротив лица бригадирши, и начал лаять ей в лицо. Дверь открывалась вовнутрь, и бригадирше деться было некуда. По счастью дворник Володя пришёл довольно скоро — минут через 10, но для бригадирши и этих 10 минут хватило — сильно её потрясло происшествие.

Забредая вперёд, и оттуда оглядываясь назад, я думаю, что дворнику Володе было неприятно узнать о разладе в нашем семействе (я говорю в нашем, поскольку другого семейства у меня нет — только Хозяин, хозяйка и две их дочери). Сам по себе источающий мир, Володя неторопливо беседовал с собачьими хозяевами, а те в свою очередь становись более миролюбивыми — из-за собак, из-за Володи.

Так вот, собаки и дети. Всё же как правило собаки очень любят детей. Своих детей (щенков) собаки-мамы через полтора-два месяца начинают избегать. Да и забирают их к тому времени. А если вдруг не разбирают — то и остаётся щенок с мамой. Ну, кобелька никак нельзя оставлять, а вот девочку можно вполне. И через какое-то время они как сёстры.

А людские дети — это прибавление в стае. Прибавление капризное, осложняющее собакам жизнь, но и очень хорошее. В любом случае мы счастливы — но по-разному. Всё же кобель немецкой овчарки не будет уж очень радоваться этой мелюзге — не для того он создан — для него главное — это хозяин. Он даже и приревновать может (люди — внимание! Это не пустые слова! Тут дело серьёзное — и на это надо очень (!!!) большое внимание обращать). Хотя защищать их, как хозяйскую собственность, он будет до последнего. А вот немецкая овчарка — дама будет им рада намного больше — и вылизет их, как своих щенят — если, конечно, хозяйки рядом не будет. Только вряд ли она будет их слушаться.

Ну что Вы, дети и собаки — это прекрасно! Они замечательно находят общий язык в совместных играх и забавах. Ведь собакам надо играть — даже пожилым. И взрослые люди это не всегда понимают. И воспитывают собаку под стать себе — уже в переходном возрасте малоподвижную, лениво передвигающуюся на поводке по 20 минут в день.

Вот история про сен-бернардов. Жил очень надутый маленький, ничем не выдающийся и недалёкий человек. И, видимо, чтобы компенсировать свой комплекс неполноценности, завёл он себе очень породистого сен-бернара. Сен-бернар Фил вырос в очень красивого сен-бернара. Но хозяин не давал ему бегать, сам передвигался очень неспешно и с достоинством — чтобы все видели, что у него сен-бернар. Хорошо ещё, что маленький надутый хозяин всё время водил его на поводке — при наличии комплексов неполноценности у хозяина комплексы неполноценности, разумеется, перешли на собаку. Сен-бернар Фил вырос очень надменным и очень толстым. Он задыхался от гнева, если какая-то собака тьякала на него. Правда, хозяин держал его на поводке крепко. И задыхался от гнева Фил, чтобы показать, какой он страшный. Но в три! три! года сен-бернар Фил уже задыхался, когда поднимался без лифта по лестнице на четвёртый этаж. И хозяин его — вот дурак! (Хотя и не совсем дурак — дураки, они кое-что понимают) завёл ещё щеночка — очаровательного пушистого юного сен-бернара — сына Фила. Что это была за лапочка! Но бегать ему не давали, играть с ним не играли. Быть щенком ему не дали. В восемь месяцев это уже было надменное унылое раскормленное создание.

А в другом доме жил сен-бернар Зюзя (вообще-то его звали Занай). Наоборот, у Зюзи в семье было всё относительно в порядке. Молодые нормальные хозяева с двумя маленькими детьми. Зюзю не водили на поводке — ему это было не надо. Наоборот, его заставляли бегать — и за палкой, и с детьми, и просто так, чему он был ужасно рад. Он был очень спортивный и тощий. И жизнерадостный, и подвижный, и добродушный. Мы с ним даже подружились щенками, но что редкость, играли, когда нам было уже по полтора-два года и больше. Это два-то кобеля немаленького размера! Но мы не дрались — у него запас жизнелюбия был громадный, да и я не злой. Прелесть что за Зюзя! Примерно в восемь месяцев он почувствовал свою силу. Но использовал он это не на подвиги, и не на подлости. Он просто подкрадывался, когда его выводили вечером на прогулку. к проходим сзади, и поддавал лбом под зад. Лобешник широченный. Голова тяжёлая. А самое главное — неожиданно! А потом с интересом смотрел — что будет. Нравилось не всем.

Потом его хозяева уехали надолго за город в деревню. И по слухам Зюзе довелось даже пасти стадо коров. Вот ведь повезло! Остаётся только порадоваться за городскую собаку, которой довелось побыть и пастухом.

Хотя (это я уже упоминал) очень большая проблема — кто старше. Вполне неплохой вариант, когда есть взрослая собака-дама и один или несколько маленьких детей. Тогда она старшая. Она за всех в ответе. Она

будет достаточно тактична, но будет делать, как надо. Хуже, когда молодой кобель и дети. Надо будет доказывать старшинство. А все глупые ещё.

Охотничьи собаки становятся сами не свои, когда их хозяева собираются на охоту. Мои хозяева любили путешествовать — и диким образом с рюкзаками, и на байдарках, и на велосипедах, и на машине. Я вырос туристом.

Хозяин становится похожим на собаку, но ведь и собака становится похожей на хозяина. Хозяин любит палатку, рюкзак, байдарку. Вот и я — люблю!

Я становился сам не свой, когда хозяин начинал собирать рюкзак. Путался и мешался под ногами, когда вещи паковались в рюкзаки. Ах, когда хозяин начинает собирать рюкзак — это такое волнительное впечатление охватывает, что просто поневоле начинаешь путаться под ногами. Естественно — ведь походные вещи так пахнут — костром, дымом, вольной жизнью. Опасаешься, опять-таки, а вдруг не возьмут. Ну это просто трагедия ведь!

Прекрасно спать в палатке. Хозяева делали попытки приучить меня спать снаружи палатки — и их охранять. Но не тут-то было, наоборот, я пытался забраться в палатку раньше их.

Прекрасно спать в палатке. Но совсем здорово — на хозяйском тёплом спальном мешке — Ах! Но так удаётся не всегда. Как правило, меня смещали в ноги — там же оставался коврик, а они считали, что мне кроме коврика ничего не надо. Ну а среди ночи я начинал просачиваться между хозяевами и их детьми. Иногда удавалось.

Прекрасно, когда тебя утром из палатки выпустят. Замечательно встречать каждого, кто вылезает из палатки следом, и лизнуть его в лицо, желая доброго утра (он ведь согнут, и ему не увернуться). Походная — замечательная жизнь!

Байдарка, конечно, нравится мне не так сильно. Во-первых, свободы меньше — усадят строгим голосом (а то и руганью), запрещают передвигаться, шагу не ступи в сторону, уж не говоря про то, чтобы лапами вылезти на борт. Во-вторых, мокрый хвост. На дне байдарки почти всегда вода. Иногда воды мало, а иногда очень даже много. Сами-то хозяева сидят на сиденьях, на вещах. А собака, считается, и так хорошо. Мокро...

Вначале хозяева пытались заставить меня бежать по берегу, то есть они в байдарке — а я догоняй их по берегу. Так ведь по берегу дорожек нет — мне приходилось продираться через заросли, оббегать старицы и заливы. В конечном итоге от волнения я бросался в реку, пытался догнать их

по воде (байдарка плывёт быстрее собаки), иногда догонял их, иногда нет. В конечном итоге они получали меня в байдарку, а со мной ещё 2 ведра воды с моей шерсти.

А всё ж не очень красиво отправлять собаку по берегу. Для собаки ведь самое страшное — потерять хозяев. Когда хозяева идут с рюкзаками, или без — и собака с ними. Когда хозяева на велосипеде — собака просто бежит рядом. Если разумные хозяева путешествуют на велосипедах, то они выбирают маршрут с малым количеством транспорта, и разумная собака просто бежит рядом — это ей просто полезно. И она не чувствует себя потерянной и брошенной. А вот когда в байдарку не пускают — не очень-то красиво. Даже когда берега были безлесные, и ровные — всё равно я очень переживал, что они от меня уплывают, и всю лаял на бегу. И как-то раз от волнения чуть не бросился на рыбака, который мирно ловил рыбу, и меня испугался, и я его испугался тоже, потому что он загораживал мне путь к хозяевам, а они всё уплывали, и я (большой чёрный лохматый переживающий пёс) бросился на рыбака, а рыбак бросился в воду, и я с лаем пробежал мимо. После этого меня опять в байдарку взяли. М-да...

Вот чего я не люблю, так это когда ягоды собирают. Скучно, и комары кусают. Я пытался объяснить им, что собирать ягоды — это пустая трата времени — намного лучше куда-нибудь пойти. Сперва меня пытались приучить есть чернику с кустиков, а потом перестали брать. Впрочем, под конец жизни ягоды я есть научился. Правда, только ежевику — но зато с веток. А ещё я очень полюбил виноград. Но об этом потом.

Ещё хозяева очень любили рассуждать, что я бегу налегке, а вот они несут мне коврик и еду. И что надо бы сшить мне рюкзак, и я бы тоже нёс себе коврик и еду, и кое-что для хозяев. Рюкзаки такие действительно существуют — это что-то типа попоны с карманами, и надо, чтобы вес груза в карманах был одинаков с обеих сторон. По счастью, они так и не собрались сшить мне рюкзак.

Ездовой собакой я быть не любил. Упряжь, чтобы запрягать меня в санки, хозяин всё же сшил. Сшил он упряжь потому, что хозяева хотели меня видеть сильной собакой. Считалось, что когда собака запряжена и везёт санки, то это её сильно разовьёт физически. В санки сажали маленьких — вместе или порознь. И мне давали команду «Вперёд». Ну, положим, не любил я быть запряженным вообще, а в частности, потому что дети не могли тормозить, и санки больно наезжали мне на задние лапы. Тогда хозяин стал пристёгивать меня на поводок, и бежал по своей же команде «Вперёд» рядом со мной. Восторгу мелких не было предела, я заливался

лаем, и всё это несло по берегу пруда. Один раз мы так врезались в бабку. Она не упала, и даже как-то вяло прокомментировала: «Совсем с ума сошли». Ещё хозяин пытался сам сидеть в санках, и мной управлять. Фиг-то у него чего вышло, не люблю я быть запряжённым, развивайся физически, дорогой Хозяин, сам.

Сперва в Америку поехала хозяйка, хоть больше хотелось хозяину. Его, видите ли, на его научной работе не признавали, ну и хотелось, чтобы признали в Америке (не признали его в Америке, но об этом потом). А хозяйка — да не очень ей хотелось в эту Америку, но вроде как жизнь заставила. Деньги платить перестали, к бизнесу ни хозяин, ни хозяйка приспособлены не были, да и страшный он был тогда, этот бизнес. Да и на улицах стало беспокойно, и с кафедры хозяйкиной все подались в Америку. Ну вот и она. То есть планов уезжать насовсем не было — планы были подзаработать, приобрести заграничный лоск, и пользоваться благами обеих стран.

Для меня это проявилось в том, что хозяйки в доме не стало, и стали чаще приходиться мама хозяина (иногда с отцом хозяина) и мама хозяйки. Да если быть честным, ничего почти для меня не изменилось. Маленькой в ту пору было 4 года, старшей — 8 лет. Вот для хозяина — это да, жизнь изменилась изрядно. То есть как он выжил-то?.. И как ещё умудрялся свои дурацкие статьи писать — он ведь себя большим учёным почитал. Кстати, о больших учёных, именно в ту пору я, не разделявший любовь хозяина к науке, научился выражать к этому всему отношению. Случалось несколько раз так, что дети были на даче, хозяйка — в Америке, а я — по недосмотру — с хозяином. Вот сядет он на кухне писать — мне надоест — я подхожу и начинаю его носом под правый локоть подталкивать, дескать, дорогой хозяин, кончай выпендриваться, пошли лучше погуляем. Как правило, после второго подхода его понимало, и мы шли гулять.

А выжить-то он выжил. Благодаря своей маме, и мне конечно. Для него это стало отличной школой жизни. Ни секунды лишней у него не было, всех он кормил, всем он готовил, и гладил, и стирал, да ещё и статьи свои дурацкие писал.

Хозяин говорит, что карма — это то, чего больше всего боишься. Вот и представился подходящий случай отработать кармический долг. Дело в том, что по сути хозяин, конечно, бродяга, но в молодости он ещё воображал себя суперменом, спортсменом, и всякое такое. И семейную свою жизнь ждал отчасти с тоской, хоть понимал неизбежность этой обузы. Но, конечно, ему нужны были сыновья — чтобы приучать их преодолевать

препятствия и шляться по свету. Он боялся рождения девочек, боялся, что семья не даст ему возможности лезть куда-нибудь и уходить надолго в горы.

И вот вам — он в роли кормящего отца при двух девочках 4-х и 8-и лет, правда вместе с чудесной собакой. Карма — ещё какая! Чего только в жизни не бывает — хозяин начал писать детские песни — чтобы петь их с дочерьми на ночь. На процедуру укладывания детей приходил и я — там создавался особый настрой — и мне очень приятно было находиться в детской спальне. Вот образцы колыбельных, что пелись на ночь в детской спальне перед молитвой:

Бобровая песня (исполняется на мотив «Постой, паровоз...»)

Бобровая жизнь никогда не наскучит,
Осину жевать вкусней всего!
Сидишь себе в хатке — жуёшь себе ветку.
Спокойствие нам важней всего!

Мы строим плотины и брёвна таскаем,
Уютная заводь будет тут!
В бобровом приволье, в бобровом раздолье
Бобрята чудесные растут.

А если вдруг кто-то заглянет в болото,
Притащится в наши камыши.
Мы хлопнем хвостами, пошевелим усами.
И всё — больше нету ни души.

Ненастье уходит, опасность проходит,
И солнышко ласково встаёт!
Бобровая жизнь никогда не наскучит,
И все чешут пятками живот — Вот!

А вот другая колыбельная — исполняется на мотив известных куплетов «Спокойной ночи... — ...спит в общежитье студент Петров...».

Живёт на море большой калан.
Жуёт ежей он — когда захочет,
А как наестся — так тут же спать
Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Залез в берлогу большой медведь,
Устал за лето — не стало мочи.
Ему б подушку — и тут же спать!
Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Спит серый заяц, и спит сова,
Лиса уснула — и не подскочит.
В норе уютно и хорошо!
Спокойной ночи! Спокойной ночи!

К чему же прыгать, зачем скакать?
Вовсю зеваешь — устал ведь очень.
Ведь завтра утром опять вставать!
Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Неказистые песни... а всё ж тёплые, какими и должны быть колыбельные, да и предназначение своё эти колыбельные выполняли.

Тогда же он выработал правило устраивать маленькие праздники по любому поводу. Выглядели эти праздники так. Готовились один-два салатика, что-нибудь сладкое (конечно же, дети любили мороженое), маленький журнальный столик накрывался красивой скатертью, на столик устанавливались свечи, вокруг свечей в определенном порядке укладывались красивые камни, гасили свет, включали тихую музыку. Детям это очень нравилось. Нравилось и мне — мы ведь, собаки, доброе отношение к Вселенной понимаем не хуже людей, может даже и лучше.

Отмечали и мой день рождения. Мне надевали галстук хозяина, зажигали свечи, поздравляли. Один раз, когда хозяйка уже забрала маленькую в Америку, хозяин позвал отмечать мой день рождения товарища. Товарищ пришёл с женой и сыном — так вот у меня и гости были, и досталась большая банка собачьих мясных консервов. Всем было тепло и спокойно на душе.

Да, в какой-то мере хозяину повезло, хоть и не простое это было время.

А потом приехала летом хозяйка, и забрала маленькую в Америку. А мы с хозяином и старшей остались ещё на год втроём. Тоже время было неплохое — я выросел — мне уже 4 года было, у меня оформилась грива, белый галстук роскошно сиял среди сверкающего чёрного меха. Хозяин неплохо натаскал старшую бегать на лыжах — иногда брали и меня.

А всё ж в Америку собирались. Они тогда ещё вполне мирно с хозяйкой жили, хоть и на расстоянии. Каждые выходные она им звонила. Переписывались по электронной почте. Письма писали. Это уже в Америке всё по-другому стало.

Готовились в Америку, готовились. Чтобы вывезти собаку за границу — надо не так много документов. Гораздо сложнее найти в Америке жильё, чтобы можно было жить с собакой. И чтобы была бесплатная хорошая школа. То есть бывает одно из двух. Или можно жить с собакой — но школа плохая, и надо возить ребёнка в платную частную школу, или можно найти хороший район, и даже хорошую бесплатную школу, но ни в коем случае с собакой. Только плохо складывался мой отъезд — возникала куча сложностей и трудностей. Вроде бы хозяйке удалось подписать контракт на аренду квартиры — но пришлось признаться про собаку — и его тут же расторгли. А уже билеты куплены. Как хозяйке удалось это — до сих пор не понятно.

В общем, многое было за то, чтобы расстаться. И не брать в Америку обузу — меня то есть. Хозяину было это очень грустно — и он решил применить одно из самых сильных заклинаний на выполнение желания, какое знал. Даже просто самое сильное. Он прекрасно знал, что такие заклинания можно применять в самых крайних случаях, а лучше вообще не применять. Что такие заклинания меняют слишком многое в судьбах многих окружающих, и что вряд ли он, хозяин, созрел для такого заклинания, применение которого по плечу только мудрому. И что это может отразиться на его судьбе, но что самое неприятное, на судьбе близких. И все же он его сделал.

То есть покладывал-то он по чуть-чуть уже давно, но вроде всё он делал в согласии со всеми высшими законами. Он ведь довольно аккуратный, тактичный, и обученный, как делать не надо. И понимал он, что с моим отъездом что-то не так складывается. И правильнее меня оставить. Но не захотел — спасибо тебе, хозяин. Всё сложилось по заклинанию. Спасибо хозяйке, которая чуть не наизнанку вывернулась, чтоб жильё обеспечить, и отцу хозяина, который взял на себя даму из ветеринарного контроля в Шереметьеве, когда она раскусила, что мои справки купленные.

В общем, улетели мы все. Хозяин даже стих по этому поводу написал, впрочем этот стих не имел успеха.

Итак, Америка.

Всё очень чисто. Мне купили совок. И теперь обязательной принадлежностью при прогулке стали этот самый совок и пластиковый мешок.

Сильно моя жизнь не изменилась. В чём-то она стала даже лучше, лучше насчёт вольных выходов. Эх, вот если б ещё и отношения в семье остались, ну хотя бы такие же, какие были в Москве.

Что ещё... Вроде поначалу всё неплохо шло. Дети пошли в школу, начали понимать и говорить по-английски. Хозяин научился водить машину — тяжело это ему далось. И знакомые появились. Я довольно быстро научился узнавать шум двигателя машины, на которой приезжала хозяйка. Хозяева любят природу — по воскресеньям мы стали ездить в лес.

Да только по-другому всё стало.

Но лучше сперва я опишу хорошее — вольные наши выходы на природу. Началось всё так. Хозяевам хотелось природы, а вся природа подстрижена, и с асфальтовыми дорожками. Им подсказали приятели, и они поехали за дикой природой — 3 с половиной часа на север Мичигана. А там начинают попадаться островки — так называемые государственные леса. Оставляешь машину, рюкзак на плечи — и никаких асфальтированных дорожек — аж целых 20 км. Правда, в отличие от подмосковных лесов с дорожек всё равно особо не сойдёшь — подлесок очень густой. Но ведь почти дикая жизнь! Поставили палатку на берегу небольшого озера, на оборудованной площадке. Лес, птицы. Хозяева подозревали, что тут могут быть бобры. Но подозревать — это одно. А вот совсем другое — увидеть уже почти в полных сумерках, что в соседнем озере они просто кишат — плавают, ныряют, бьют хвостами, грызут палки. К соседнему озеру дорожка не подходит. Нормальный американец с дорожки не сойдёт. Вот и выходит, что 4 бобровых семейства прекрасно себе существуют всего в 50 метрах от тропинки.

Ну, мне-то бобры не очень интересны, они — в воде, я на берегу. Опять таки хозяева запрещали ими интересоваться. В первый раз (мы вместе ходили смотреть на соседнее озеро) хозяин прямо остолбенел, и стоял так полчаса, боялся пошевелиться.

А дальше хозяева поняли, где живут бобры. И в следующие разы просто останавливались на берегу того озера с бобрами. А потом они исследовали весь тот лесок (20*20 км), и поняли, что он очень густо заселён

бобрами, только это мало кто знает. По оценкам хозяина, их там от пяти-сот до тысячи, этих бобров. Все озёра соединены протоками, на протоках — плотины, на озёрах — хатки, на берегах — норы. А если ходить по дорожкам, так и нет никого. И вообще никакой дикой жизни нет, разве что иногда олень пробежит метрах в ста и мелькнёт белым хвостом.

О, бобры — они понимают в жизни. Не так, конечно, как люди, а по-своему. Им совершенно запросто запрудить ручеёк, где им надо. При этом может получиться, что образуется красивое озеро, а бывает, что и унылое мёртвое озеро, почти болото. А бобры используют для своих нужд в лучшем случае 10% этого озера. Но им на это наплевать, так же как и на то, что запруженный ручей может затопить дорогу. Говорят, в Канаде есть специальные двойные дренажные трубы из сетки, чтобы бобры не могли запрудить ручей под мостом через дорогу.

Да, бобры, конечно, понимают по своему, и кое в чём лучше, чем люди, даже лучше, чем собаки. Например, в уюте и семейной жизни. Уютнее бобровой хатки вряд ли что придумаешь. Бобры — одни из самых примерных семьянинов. Бывает, что в хатке живут до 3-х поколений бобров — родители, дети, и дети их детей. И ведь не дерутся, и не ругаются. Не было случая, чтобы у бобров находили шрамы от межусобных битв. И брачные союзы заключаются мирно. Как — тайна, а только без кровопролития. И родители спокойно относятся к тому, что дети остаются жить в их хатке, и заводят семьи. Старшие дети ухаживают и заботятся о бобрятах следующего поколения. И возят их на себе (новорожденные бобрята не умеют плавать, и пух у них не водоотталкивающий). Хотя большинство молодых бобров всё-таки хатки покидают, чтобы найти себе пару, и создать своё жилище.

Но вы только представьте — жить вшестером — ввосьмером в хатке с внутренним диаметром около 2-х метров, и ни разу не подраться, и не повздорить — и это в течение долгой зимы. Когда в хатке темно, и из хатки и деваться-то некуда. Люди, не грех бы вам поучиться у бобров мудрости, и терпимости, и миролюбию.

С той поры хозяева часто ночевали на берегу бобрового озера, и стали считать этих бобров своими бобрами. И стали оставлять им у хаток капусту, морковку, иногда даже яблоки. Бобры не то чтобы это любили, и не то, чтобы привыкли, а ну, в общем, не очень обращали внимание (яблоки всё же утром исчезали). Выплывали они в сумерках. Сперва выплывал вожак, или дозорный, и оглядывал озеро. Потом выплывали и все остальные. Старались быть, конечно, подальше от людей, И на берег выходили уже совсем в темноте. А какой хруст от разгрызаемых веток стоял ночью!

А утром — тишина, ни души, и только свежееобглоданные ветки кое-где белеют на мелководье.

Был среди них патриарх — может, даже с меня ростом, или чуть больше. Большой, толстый. Он подпускал к себе очень близко. Скорее всего, он просто был уже подслеповат, да и ленив. Но к нему хозяева подходили даже метров на 5-6, а он, конечно, не любил, и даже показывал на своей уса-той морде, что он не любит, но с мелководья не уходил, разве что уж совсем достанут. А уходил он, конечно, по-бобриному, с громким негодующим плеском хвоста по воде.

Замечательные звери. И живут сами по себе, во славу господу — своего, конечно — Большого Бобра. Да только кажется мне, что Большой Бобёр тоже много чего понимает в жизни, и кое-что — лучше людей.

Оказалось, что в Мичигане они на каждом шагу. Только никто про них не знает. И слава богу. Немало бобровых названий. Бобровый ручей, ручей Маленького Бобра, ручей Большого Бобра, Бобровое озеро, Бобровая река. И даже ручей Одинокого Бобра Lonesome Biver Creek (как печально — бобры любят жить парами). В России-то такого нет. Уж если бобёр, так его тут же обязательно надо поймать, или запустить в него палкой (даже не принимая во внимание шкуру). А хатку разломать, а то чего это они. Вот и остались в России бобры только там, где уж совсем непролазная глушь.

И это совсем не потому, что так уж американцы любят зверей. Нет, любят, конечно, но не диких, а домашних. Домашних зверей они обожают. У них есть специальный термин — пет (pet) — любимец, любимое животное. Петом может быть собака, кошка, хорёк, скунс (у которого перед этим удалили пахучие железы), кролик, свинья (маленькие чёрные свиньи очень популярны). Как-то раз мы с хозяином видели, как выводили гулять пета — гуся, гусь был в ошейнике на своей длинной шее, к ошейнику был прикреплён поводок, и гусь очень важно вышагивал по тротуару. От существительного «пет» они образовали глагол «пет» — это означает гладить и ласкать любимое животное. Петов американцы любят.

А диких животных — пожалуй что нет. А терпимо относятся. Поскольку, до фонаря им что ли все эти животные. Ну вот несколько примеров.

Маленький парк на берегу озера, по берегу ходят полудикие канадские гуси. Шестилетний ребёнок с восторгом бросился гонять гусей, так что же вы думаете, сказал ему папа? «Не трогай их, они хорошие? Не обижай животных?» — Нет! Он сказал «Не трогай. Они могут быть заразные». И ребёнок тут же остановился, как вкопанный.

Вот еноты... В Мичигане довольно много енотов. Настолько много, что они в пригородах роются по помойкам, разгрызают пластиковые мешки с мусором, и даже иногда нападают на мелких домашних собак. Не то чтобы это американцам нравится, скорее наоборот. Но разорение енотов они целью не ставят. Енотов настолько много, что когда хозяева ехали на машине по магистральным дорогам — особенно на юг от Мичигана — так этих самых енотов, сбитых ночью машинами, вдоль дороги довольно много валяется. Грустно за зверюг, но это говорит о том, что их много, и жизнь у сообщества енотов неплохая. Встречали мы их и в лесах — всего несколько раз, правда. Как-то раз, завидев наше приближение, еноты (мама и юный енот) забрались метров на 20 на дерево. Я их облаял, а глупый хозяин сделал попытку залезть на это дерево. Енот-мама очень отчётливо зашипела и показала зубы. И хозяин оставил свои попытки.

Или вот белки... Довольно много белок, и белки тоже роются по помойкам, и разгрызают пакеты с мусором — этого американцы не любят. Но белок даже почти привечают, особенно в университетских городках. То же самое с кроликами, особенно на Западе. Бегают по университетским городкам полудикие кролики, чем-то питаются, и даже крольчат выводят.

Много оленей... Лицензию на отстрел оленя можно купить в любом магазине. В Мичигане примерно полтора миллиона людей, и примерно столько же оленей. Охотья, сколько угодно. И кое-кто охотится, но таких немного. Вот и бегают олени почти повсюду, в парки забегают, а уж в лесу их — тьма. Я не раз и не два пытался оленя догнать, но куда там. Кстати, как-то раз я нашёл оленёнка. Оленихи ведь вынуждены оставлять оленят, чтобы попаслись. И я нашёл оленёнка — может двухдневного, может семидневного. Он просто лежал в сухой траве, совершенно неотличимый от травы — я его по запаху нашёл — и показал хозяевам. Оленёнок смотрел на нас, и дрожал задними ногами, и не мог решиться — лежать дальше или убежать. Мы его не стали трогать и пошли дальше — меня взявши за ошейник.

Сказать, что им лень — да не то, скорее это равнодушие. Однако шутка ли, полтора миллиона оленей в одном только Мичигане. У фермеров проблемы даже появились, поскольку эти олени едят их урожай. В общем, не то чтобы американцы любят животных, но животных в Америке много.

Как-то раз я выследил в американском лесу барсука. Да, это серьёзный противник. Вышло так, что барсуку отрезали путь к норе — случайно. И он распластался, стал плоский, как шкура от барсука, и стал страшно

шипеть. Хозяин вовремя схватил меня за ошейник, и все они (хозяин, хозяйка и обе девочки) не знали, как себя вести. И барсук не знал — ему-то прятаться было некуда. И я не знал. В мои планы не входило грызть барсука — да и хозяева не дали бы. В общем, решили тихо разойтись, предварительно сфотографировав этого плоского барсука.

Несколько раз я находил им дикобразов. Но дикобразов хозяйка боялась, а вот дикобразы — как раз нет. Они вели себя спокойно, если не сказать нахально.

Я выросел, дети учились. В жизни почти любой собаки наступает момент, когда она становится не просто взрослой, а как бы старшим членом семьи, дядюшкой или тётюшкой. Когда уже просто не отделяет себя от семьи, ... ну в общем я стал.

Это было уже на закате моих дней — впрочем, собака радуется своим дням даже на их закате. Хозяйка с детьми поехали в Россию, а мы остались с хозяином. И у него случилось несколько дней, и он решил поехать на север Мичигана на верхний полуостров. Дело в том, что от Детройта это довольно далеко — до перешейка 5 часов, да ещё не меньше часа уже по верхнему полуострову. Так запросто не съездишь. А хотелось хозяину туда попасть. Поскольку на севере Мичигана почти нет заводов, всё дико, да к тому же хозяин вычитал (вся русская колония Детройта потом удивлялась), что Хэмингуэй — писатель американский, любил бродить и рыбачить на севере Мичигана. Вот мы и поехали — вдвоём.

Что ж, у каждого возраста есть свои прелести. Может быть, я бы и предпочёл компанию с детьми — от них всегда много крика, мелких недопониманий, шума — но вдвоём было совсем по-другому. Вот и бродили мы вдвоём по вековым лесам. Красота. Ели почти из одного котелка — шли от озера к озеру. Никого не встречая — просто бродили. И наплевать мне на Хэмингуэя (впрочем, я и плевать-то не умею, это вы — люди — мастера), но не каждой собаке такое счастье выпадает. Хозяин молчал все дни, но мы друг друга прекрасно понимали. О чём он думал — о закатах на озёрах, о том, что будет дальше, о том, чтобы всё это осталось, когда и его и меня уже не будет на земле. И о том, чтобы везти хоть немного стало.

Это в Нью-Йорке произошло. Хозяйку с семьёй пригласила встречать Новый Год подружка. Подружка с семьёй — мужем-физиком и двумя дочерьми жила в ближнем пригороде Нью-Йорка. Они снимали дом — с двумя гостевыми комнатами.

Хозяева, как всегда, взяли напрокат машину, посадили детей и меня. Да и покатали. Так я попал в Нью-Йорк во второй раз. Не могу сказать, что я был в восторге — место как место. Ну, людям — конечно, а собакам природа, конечно, ближе. Хотя всюду жизнь — и в пригороде Нью-Йорка немало собак.

Хозяин был не в самом весёлом расположении духа. Даже просто в печальном. Да и хозяйка тоже. Не ладили они уже сильно, как я понимаю. Изо всех сил хозяин старался не унывать — уж больно всё складывалось неудачно.

Так вот 31 декабря поехали они гулять по городу. Меня не взяли. И слава богу — прогулки по праздничному Нью-Йорку, по Манхэттену — это удовольствие не для собак. Вот перед этим было хорошее мероприятие — они поехали на Лонг Айленд — побродить по берегу океана. Было холодно. И естественно ветрено — ну всё же это берег океана зимой. Хозяин даже сделал попытку искупаться. Народу было мало, я был без поводка. Океан солёный. Я даже сделал вид, что пытаюсь его укусить. Можно подумать, что я не понимал, что это всё равно что лаять против ветра. Но хозяева повеселились, а значит и слава богу. Маленькая нашла роскошную раковину моллюска — сантиметров двадцать — очень красивую. И это в двенадцати милях от гигантского города. Ну, что хозяева не любят образ жизни и образ мышления американцев — я уж повторять не буду.

Так вот, встретили все вместе Новый Год — хозяева, их дети, и подружка хозяйки с мужем и детьми. Всем достались подарки. Вроде и весело — да не очень. И вина вроде много — да не пьётся. Хозяин попытался попеть. И даже старшую уговорил поддержать его. Но как-то не пошло.

И то сказать, ведь эта дворяночка с корнями от Рюрика (подружка хозяйки) совершенно явно душу свою запродавала — не дьяволу, конечно. Она и в церковь ходит русскую православную, и детей водит. С виду очень мила и в общепринятый стандарт вполне вписывается. А только что будет с её бессмертной душой после смерти — эх, не поможет здесь русская православная церковь города Нью-Йорка, в которую ходят потомки Керенского и Родзянко. Дочери её станут типичными американками — уже стали, раз по-русски не говорят (старшая не говорит принципиально). Но их души сохранятся, и будут иметь возможность восхождения. А вот таким, как мама их — таким не прощают. Нет, ничто в мироздании не пропадает бесследно. Что-то останется (уже на бессознательном уровне). Да только пойдёт её душа — единственное сокровище человека — на строительство американских душ. Как строительный материал. А что русская православная церковь города Нью-Йорка — разве ж она поможет, если

внучки эмигрантов первой волны только и могут сказать по-русски: «Добро пожаловать». Не хватит у этой церкви силы. Ладно, не моё собачье дело обсуждать и осуждать церковь, а вот насчёт душ — тут, мы, собаки (некоторые, конечно), понимаем больше, чем иные люди.

Так что уж какое тут веселье. Хоть с виду всё и хорошо. Во втором часу Нового Года все стали укладываться спать. А хозяева повели меня на прогулку. А надобно сказать, что погода стояла тёплая. Тёплая зима — вообще характерно для Нью-Йорка, и это вполне естественно — это побережье океана, а по широте южнее Сочи. Так вот, тёплая стояла погода, а в ночь на Новый Год стало резко холодать — от +5 до -20°C. И это при большой влажности. Идём мы, гуляем по одноэтажному пригороду. Меня выгуливаем. И я нашёл. Нашёл я замёрзшую белку. Прямо на асфальтовой дорожке. То есть у неё даже сил не было добежать до газона с травой и какими-то деревьями — окоченела. Я не знал, что с ней делать — просто нашёл. Хозяин взял её в руки — она не шевелилась, но и не была закованная. Хозяин поместил её за пазуху и пошёл дальше. Через минуту она чуть шевельнулась, потом ещё. Хозяин расстегнул молнию куртки и решил белку выпустить. Но белка вовсе не собиралась расставаться с тёплым местом. Она вцепилась всеми четырьмя лапами с весьма острыми когтями в свитер. Тогда хозяин молнию застегнул повыше, запахнул получше шарф, а снизу опять под белку подставил руку снаружи куртки. Белка затихла, и ещё минут 20, пока хозяева шли к дому, не шевелилась. Но к дому они подошли, а белка опять отказывается вылезать из тепла. Уже и хозяйку это всё очень забавляет. Вроде спасли от смерти зверька — и выгонять на мороз? А вносить в чужой дом — тоже плохо. Что там натворит дикая белка, да ещё и пёс в этом же доме. Ведь это замёрзшую белку я на зуб не попробовал, а за ожившей вполне мог бы и погоню устроить. Да и санитарные соображения — и туалет, и возможность какой-либо инфекции, на которой американцы чокнуты. Хозяйка пошла будить подружку, нашла большую коробку. В коробку она положила два печенья и яблоко. И стали они вместе пытаться белку поместить в коробку. Белка бедной хозяйке довольно сильно поцарапала руки, но в коробку её всё же посадили. Хозяйка пошла дезинфицировать царапины, а хозяин попытался было рассказать о происшествии старшей дочери хозяйкиной подружки (это той, что по-русски не говорит принципиально). В ответ он услышал надменно-лаконичное: «О'кей», это от двенадцатилетней девчонки! По моим понятиям, она должна была подпрыгнуть и побежать смотреть на белку. Ну бог с ней. Тут дело не в ней, а в Америке. А утром белку выпустили, и она убежала.

Хозяин воспринял это не просто как занятный случай, а как символ, символ скорого поворота судьбы, символ скорого поворота судьбы в лучшую для него сторону. И в этом он был прав. Да только для него, а не для меня.

В сущности, неплохая у меня была жизнь. Я бы даже сказал — хорошая. У меня была хорошая семья, и если б я остался жить до той поры, когда хозяйка выгнала хозяина из дому, право и не знаю, как бы я это пережил. Вовремя надо уходить — вот и слава богу, хоть у меня этот уход, может быть, и был немного преждевременным (да ещё тот удар ногой по брюху много лет назад — помнишь, хозяин?). Я — красивый чёрный пёс. Ещё вполне сильный (слово ещё даже, пожалуй, неуместо), вызывающий восхищение у незнакомых людей своей статью.

Но что жалеть — я любил всех людей, я любил хозяина, хозяйку и их детей, и их друзей и знакомых. Вместе с хозяевами я плавал на байдарке по России, на каноэ по Америке, ходил по северу Мичигана, меня купали в Чёртовой Дыре Ниагарского водопада. Я задрал лапу и пытался облаять Атлантический океан, вместе с хозяевами зашёл на гору White Face в заповеднике Адирондак на севере штата Нью Йорк. Не каждой собаке выпадает такое.

Я научился есть ягоды ежевики с куста, и под конец жизни стал почти вегетарианцем, как и мои ненормальные хозяева. Да и хозяину всё ж я устроил поворот во время его хронических неудач. Не зря он ко мне обращался со своими вопросами (больше-то ему не к кому было обращаться) — я хоть и отворачивался, но вот сделал — поди ж ты. И наколенники из моей шерсти хозяин будет беречь и одевать только в крайних случаях — вспоминая свою собаку. Но предпочёл бы я, чтобы было всё немного по-другому. Впрочем, меня не спросили.

Считается, что души собак (да, конечно, у собак есть души — если кто в этом сомневается!), так же как и души людей, после смерти отправляются в странствие. Но не в большое, как у людей, а так, недели на 2-3, а то и меньше. Странствие душ насекомых и вовсе составляет минуты — для тех, кто не знает. Недолго странствуют души кошек. Про остальных не скажу, нам ведь, собакам, дано знать только то, что нам близко. Почему странствие душ собак небольшое — так ведь у нас, в отличие от людей, меньше возможностей совершать и добрые поступки, и недобрые. Недобрые поступки собака совершает, как правило, по воле хозяина. А добрые — под влиянием любви хозяина. Любовь и развивает, она и двигатель, она и источник восхождения — для собак.

Но в среднем странствие собачьих душ длится 2-3 недели, а то и меньше. Чтобы понять своё предназначение, чтобы пообщаться с теми, с кем хотелось пообщаться при жизни, да не удалось, чтобы приобщиться к Великому Духу Большой Собаки. Великий Дух Большой Собаки внимательно следит за появлением на свет щенков, и как они подрастают. Он приглядывает за тем, как души умерших собак покидают тела и отправляются на отдых и просветление. Он же и направляет души собак в тела новорождённых щенков. В целом он не очень беспокоится о жизни и насущной пище взрослых собак — поскольку понимает, что здесь от него мало что зависит. Но очень радуется, да и не он один, когда на свет появляются маленькие комочки, которые через 2 недели станут толстыми пушистыми толстолапыми щенками, покусывающими друг другу уши и повсюду оставляющими лужицы.

Когда я умирал, мне было не до любви — плохо мне было. Но хозяину-то было, было. Ну уж и не знаю, и здесь мы во власти хозяев, даже во время смерти. Вот и думай и гадай, хорошо ли иметь хозяина, немного владеющего магией — даже во время смерти. Хозяин не плакал — он, похоже, мобилизовал — что мог, и чему его учили. Вот вам и ещё одна сторона любви... Он послал меня (уже душу) с такой силой наверх, что мир просветления собак и не заметил — я проскочил сразу намного выше, куда собаки обычно не попадают. В итоге моё путешествие было длинным, даже по человеческим меркам не маленьким. Странствовал я полтора года — о, я много что повидал. И понял многое. Я ведь почему то и дело о любви рассуждаю — а вот из-за этого самого путешествия по разным мирам.

Я сдерживал, сколько мог. Как умел пытался наладить мир. Я очень люблю, когда мир. Но всё же одной собаке не под силу выдерживать такой сильный натиск больше года. Силы кончились, наступила болезнь. Так что уж разбирайтесь сами. А я пойду туда, откуда возвращаются — но не скоро, и другими. И вряд ли мы с Вами пересечёмся, то есть обязательно пересечёмся — но уже другими — и для выполнения других задач. Вот и остаюсь я в Вашей памяти — красивый чёрный колли с белым галстуком и белым пятном на загривке, слабо повиливающий хвостом, и смотрящий слегка удивлённо и немного печально. До свидания!

Андрей Юрков

Гуси улетают торопливо,
Ветер всё сильнее и мокрей.
Спит у невысокого обрыва
Брошенный посёлок Вангурей.

Восемь лет назад его не стало.
Окна — как обстреляны врагом.
Очень много ржавого металла
По траве разбросано кругом.

Но, когда уже винты завыли,
Я подумал, глядя сквозь пургу,
Что не всё пропало: мы ж тут были?
Съёмку для чего-то проводили?
Значит, точно — где-то утвердили:
Будет жизнь на этом берегу!

*Вітько Чабаєв
Ненэцие" округ',
Ннарка Я, Вангурей.
13.10.2004*

Прогноз

У природы есть плохой погоды
И у тучи есть иной заботы:
Смоет сроки выпуска работы,
Снегом заблокирует Минводы.

Хочешь, чтобы небо засмеялось?
Объяви погромче свои планы.
И сиди ежом среди тумана —
Больше ничего и не осталось.

*Вітько Чабаєв
г. Будённовск
02. 03. 2005 г.*

IV

БЕЛОПОХОДЪ ЛЕТО 2003 г. отъ Р. Х.

Когда приезжаешь в старинный город, то начинаешь искать глазами, где там возвышаются над современной застройкой всякие достопримечательности. Город Вятка (он же Киров) согласно описаниям в путеводителе должен быть достаточно интересным, однако 20 минут езды от вокзала в сторону центра так и не принесли желаемого результата. Регулярная планировка, стандартный набора улиц — Ленина, Воровского, Герцена, Урицкого и пр., трубы предприятий, — говорят о крупном промышленном центре советских времён. Наконец пошли старые кварталы, но где же обещанные путеводителем монастыри? Где вообще хоть одна церквушка? Только сверившись с картой, их удалось обнаружить за домами. Аккуратно пробираюсь через грязную подворотню на задворках спорткомплекса Динамо. Когда-то тут были Святые ворота Преображенского монастыря, а сейчас вход в какой-то диспансер. Монастырские постройки давно приспособлены под разные хозяйственные нужды, кругом валяется битое стекло и растёт бурьян. Собственно, относительно целым остался только главный собор, который служит приходским храмом и сейчас реставрируется. Церковь, конечно, красивая (в 1696 г. ещё умели строить оригинально), но бестолковый деревянный забор основательно мешает фотографировать.

В вятском крае сложилась своеобразная архитектурная школа. По каменным узорам местные церкви напоминают храмы Тотьмы и

Великого Устюга, только более барочные — любили тут выкладывать из кирпича разные завитушки. Может, когда-нибудь и эта церквушка станет действующим памятником своей эпохи.

После Преображенского монастыря появилась привязка к местности, и далее всё пошло по плану, осматриваю всё, что ещё значится в карте — церквушки, музеи. Последние, естественно, по разным причинам закрыты. От краеведческого музея осталась только администрация, а он сам уже несколько лет как преставился. Вообще Вятка оставляет впечатление типично советского промышленного центра, где культурное наследие давно отошло на второй план и за исключением самой главной достопримечательности — Трифонова монастыря тут смотреть нечего.

Все населённые пункты в этих местах располагались вдоль водных торговых путей, один из которых Астрахань — Архангельск проходил по рекам Волга — Вятка — Молома — Луза — Северная Двина. В 15-17 вв. на Вятке возникли несколько городков — Орлов, Котельнич и Тужа, которые я и собрался посетить по пути в Йошкар-Олу. Основная дорога делает большой крюк вокруг Кирова и идёт вдоль р. Вятки. Чтоб не наматывать километры по новой трассе, решаю ехать по дороге на Советск (Кукарка), а далее перебраться в Орлов на обозначенном на карте пароме. Судя по путеводителю, в этом направлении в Пасегове сохранилась интересная церковь, но вот наличие парома вызывало большие сомнения. Церковь действительно не разочаровала — то самое вятское барокко, а вот с переправой возникли разночтения. Местные жители утверждали следующее: «переправы давно нет», «есть будка со сторожем, который может перевезти на лодке», «существует мост», «есть брод», и только за несколько километров до реки удалось допросить пьяного дяденьку-рыбака, из несвязанной речи которого следовало, что на реке есть какая-то песчаная коса, по которой можно перейти, а потом нужно погромче орать. Кому и что надо орать, я выяснять уже не стал, т.к. дяденьке мысли и так давались с трудом. Главное, что какая-то переправа есть!

Через 10 км грунтовка упёрлась в речку, на другом берегу за лесом показалась верхушка орловской колокольни, но следов переправы видно не было. Полазив некоторое время по прибрежным кустам и несколько раз сунувшись в воду, я нашёл-таки заветную мель. В самом глубоком месте воды там оказалось по грудь, а значит, пожитки можно легко перенести на голове. Правда, песчаная коса имела крутой обрыв — шаг в сторону, и можно нырнуть, и ещё эти дурацкие слепни — не люблю плавать в одежде, но придётся.

Радость быстрой расправы с рекой длилась не долго, через 300 м я снова вышел на берег, но уже очень широкой речки. Это и была настоящая

Вятка, а то, что я переходил вброд, оказалось всего лишь старицей (в карты-то заранее смотреть лениво). Так я оказался на необитаемом острове, и открылась тайна слов рыбака о пользе громких воплей...

В конце концов, обалдевшие рыбаки на другом берегу перевезли меня с велосипедом на материк. Тут-то они узнали, что песчаную косу через старицу вовсе не размыло весенним половодьем и нужно только сапоги натянуть по шею, а я пострадал от неумёмного желания узреть их развалившуюся колокольню. Рыбаки оказались людьми сердобольными и деньги за переправу брать отказались — что возьмёшь с придурка.

Городок Орлов известен с 15 века, из достопримечательностей тут имеется колокольня бывшего Казанского собора, одна церквушка 18 в. (сейчас восстанавливается) и кое-что из старой городской застройки. Конечно, о восстановлении бывшего тут речи не идёт, хорошо хоть старое название вернули, а то какой-то революционер пожил тут в ссылке несколько лет и стал город называться Халтуриным.

Через 30 км после Орлова на берегу Вятки возвышается интересная церквушка — Ильинский храм 1767 г. Снова кирпичные узоры на стенах, вокруг покосенная трава — значит, храм «живой», но службы тут совершаются только по праздникам — кто же в такую дыру поедет служить?

Город Котельнич возник одновременно с Орловым и служил тем же торговым целям. Естественно, по застройке эти городки очень похожи. Тут обнаружилась действующая церковь весьма оригинального вида: местные умельцы почему-то использовали для её реставрации белый силикатный кирпич. Новое ажурное крыльцо получилось весьма своеобразным. Ещё веселее оказалась доска объявлений на храме: «среда — санитарный день, четверг — требный день. Ритуальные услуги — высокое качество, низкие цены». Жизнь идёт своим чередом.

Следующая достопримечательность находилась в селе Рождественское перед Яранском. В путеводителе местный храм Рождества значился одним из лучших в крае. К сожалению, путеводитель составлялся в 1971 и до наших дней храм не дожил. В своё время его хотели реставрировать, но не успели, и центральный свод рухнул несколько лет назад. Теперь о былой красе можно только догадываться по лежащим на земле и заросшим берёзками фрагментам стен. Целой осталась лишь колокольня, за которую кое-где ещё цепляются полусгнившие реставрационные леса.

Наконец, последний пункт программы первого дня пути — город Яранск. Он, пожалуй, порадовал больше всего. Построенный при Иване Грозном как крепость, Яранск долгое время был торговым центром. Удивительно, но центр города полностью сохранился с 18—19 в., есть два

действующих храма и даже домики в весьма приличном состоянии. Радуют даже магазины, в которых продают продукцию собственного молочного и ликёро-водочного заводов, везде имеется квас и вода «Буратино» в стеклянных бутылках с советскими этикетками по цене 5,50. Есть в Яранске маленький краеведческий музей, в котором представлен вполне представительный набор предметов крестьянского быта, коллекция самоваров, предметы палеонтологии и чучела местной фауны. Туристы в нём, по словам экскурсовода, появляются раз в 5 лет. По легенде, сюда когда-то занесло велосипедистов, а потом были ещё какие-то иностранцы, и я, как почётный третий посетитель, даже заслужил персональную экскурсию.

Второй день пути начался осмотром Йошкар-Олы, ранее известной как Царёвококшайск. Сейчас это крупный промышленный город, значительно выросший с дореволюционных времён. Старая застройка сохранилась, но и поздняя смотрится вполне симпатично, поскольку выдержана в едином «сталинском» стиле. Единственной серьёзной архитектурной достопримечательностью города можно считать здоровенный храмовый комплекс, что возник на берегу реки за годы перестройки.

Всё остальное время второго дня прошло в достаточно нудном перегоне по казанскому тракту, наводящем на всякие мысли о бесцельности подобных путешествий. Наверное, надо исключать из маршрута подобные участки: смотреть нечего, машин много, а про качество дорог вообще отдельный разговор. Такого асфальта, как в Кировской области и Марий-Эл, я ещё не видел. Видимо, его тут не укатывают, а утаптывают. Бесконечные щели в асфальте аккуратно обмазывают варом по краям (зачем это нужно, я так и не понял), а про асфальтированные обочины тут вообще не слыхивали. Если на участке Киров — Йошкар-Ола можно было ехать по центру дороги и выбирать ровные места, то теперь дорога была забита машинами. Только и смотришь в зеркала, только разгонишься — появляется очередная фура и приходится уходить на песок. В результате возникли проблемы с техникой — стали лететь спицы, по проблеме с задним тормозом стало ясно, что начинает образовываться восьмёрка. Жалко колесо — мы с ним проехали больше 10 000 км — весь Север, а тут на этой долбаной дороге..., но может аккуратненько и дотяну.

Так отвратительно прошёл второй день, зато завершился он замечательно. Перед Зеленодольском есть поворот на новую казанскую трассу, на карте её ещё нет по причине недостроенности, но времени она экономит массу. Один у неё недостаток — полное отсутствие деревень с магазинами. Так назревала угроза голодной ночёвки у стен бывшего Раифского м-ря. Я думал, что там очередная развалина, но он оказался самым ярким впечатлением похода. Уже на подъезде я увидел белые стены и купола обители. В такой глуши

оказался здоровенный полностью восстановленный монастырь, имеется даже кафе на берегу озера с фонтаном, вечерняя подсветка и все прочие прелести красивой жизни. Как оказалось, раньше это был один из известнейших монастырей края, основанный в 1613 году. Он пережил период бурного расцвета, пострадал от Емельяна Пугачёва, в 20-х годах превратился в колонию, был разрушен и исчез с географических карт. В 1991 г. его вернули церкви. Трудно сказать, что позволило монастырю восстановиться — чудо или райфский святой источник, который широко известен в Татарии. Видимо, продажа воды определила доходы, и теперь тут в храмах резные золочёные иконостасы, росписи, мощёные дорожки, море цветов (явно работали дизайнеры), подсобное хозяйство, приют и всё прочее, что положено иметь монастырю. Я переночевал в лесу у стен обители, с утра сходил на службу и поехал в Казань.

Вообще передвигаться по незнакомому крупному городу на велосипеде очень неудобно. Оставлять его опасно, так что в музеи не пойдёшь, остаётся только внешний осмотр. Я сначала вообще думал сюда не заезжать, на раз уж по пути, то хоть снаружи посмотрю.

Честно говоря, в Татарии мне больше всего хотелось посмотреть на мусульман в их естественной среде обитания, я даже Коран заранее проштудировал для пущей подкованности при общении с местным населением. Уж очень интересно посмотреть, как ислам наступает на православие. В Казани исторически церкви и мечети стоят рядом, причём последние сейчас активно строятся. В кремле завершается «стройка века» — восстановление главной мечети Татарии — Кул Шариф, которая сторела ещё во время взятия Казани почти 500 лет назад. Теперь она станет главной достопримечательностью города. Но эта стройка — скорее политический акт правительства, чем реальный подъём национальной религиозности. Другие признаки серьёзной исламизации в городе отсутствуют. Все прочие мечети (так же как и церкви) пребывают в достаточно потрёпаном виде. Я даже хотел проникнуть в одну из них, но решил не рисковать — правил поведения не знаю, там кругом дяди в тубетейках и «шахидки» в платках, а я в грязных штанах и кедах на босу ногу на правоверного не похож. Пожалуй, только формальное наличие мечетей и указывает на мусульманские традиции в Татарии, в остальном всё как у нас. Единственно, что отличает Татария от Подмосковья — это надписи: буквы русские, но ничего не понятно. Но самое главное всё-таки понимаешь: «кибет» — это магазин, а «ашамлыклар» — продукты, где продают чак-чак и местную ряженку — катык.

Реально в Казани хорошо сохранился только кремль и его ближайшие окрестности, которые в преддверии 1000-летия города усиленно ремонтируют. Всё остальное весьма запущено, много брошенных домов и даже есть целые пус-

тующие кварталы, в которых обитают бомжи. Я даже зашёл по нужде в гостеприимно выбитую дверь такого дома. По углам сразу зашуршали испуганные крысы, а одна, сама наглая, стала обнюхивать мои кеды, и только убедившись в их полной несъедобности, стала не спеша протискиваться в свою дырку.

Путь на Симбирск проходит по старому Оренбургскому тракту. Теперь он стал проще, поскольку в Сорочьих Горах вместо парома сделали нормальный мост. Правда, сама дорога лучше не стала, куча машин, узкая обочина, и к этому прибавился еще сильный боковой ветер и подъём (хоть слабенький, но зато около 30 км). Это и добило мой велосипед. Спицы я подтягивал утром, в Казани ходил пешком, потом был медленный подъём, а тяжёлая болезнь колеса всё прогрессировала. На первом же хорошем спуске, убедившись, что машин сзади нет, я вылез с обочины и стал разгоняться... Велосипед неожиданно странно завибрировал, я ударил по тормозам, но удержать равновесие не смог. Оказывается, попытка затормозить ручным тормозом колесо-восьмёрку на большой скорости приводит к поразительному эффекту. Спидометр остановился на 38,6 км/ч, а далее был полёт по опробованной ещё под Кондопогой траектории и посадка на асфальт. Прошлый опыт пришёлся к месту, в этот раз всё сделал грамотно: задницей и локтями об асфальт не тормозил, несколько раз кувырнулся и остановился. Если в прошлый раз один воротник рубахи целым остался, то теперь только спину немного поцарапал — прогресс!

Осмотр колеса показал, что оно уже задевает за раму, спицы болтаются (и как это они так дружно раскрутились?), в результате зад велосипеда на скорости вихляет, а если колесо сжимается тормозом, то вихлять начинает уже вся рама. Запасных спиц у меня не было, да и править такие восьмёрки мне не приходилось. До Симбирска (через Болгары) ехать ещё более 200 км, там есть тихая грунтовая дорога, но до неё ещё нужно доехать по спуску среди машин и без заднего тормоза. Решил больше не рисковать и заканчивать поход — и так впечатлений достаточно. На попутке вернулся в Казань, в надежде этим же вечером влезть в московский поезд. Билетов, конечно, не было, и я завис до следующего вечера. Куда можно деться в крупном городе в 11 часов вечера? Ночевать на вокзале не хотелось, самая дешёвая гостиница 250 р, но с велосипедом не пускают, а куда пускают — стоит уже 600 р. Пришлось сесть в последнюю электричку и выехать в ближайший пригород с лесом.

Весь следующий день я посвятил детальному осмотру Казани, чем и завершил очередной велопоход. Теперь думаю о том, как бы в следующий раз посмотреть Пермскую область, например, проехать от Нижнего Тагила до Чердыни через Урал. По карте там дорог почему-то не видно, но может, кто подскажет тайную тропу?

Денис Палеев

Тост и посвящение грузьям.

Подражание Александру Пушкину

Моим соношникам бессонным,
Моим ершистым, непокорным,
Ни с чем почти не соглашённым,
Упёртым, но не распалённым,
Заносчивым, но неспесивым,
Серьёзнейшим и юморливым,
Моим прекраснейшим и милым
Я посвящаю, что могу
Изобразить через словеса...

Так внемлите!
Только молю, что есть — примите!
Я боле ничего не смог,
Я сам себя не превозмог.
И хоть всё время «Я» да «Я»,
Писал для вас, мои друзья!

...Без вас и пиво мне не в пиво,
Без вас и водка будто квас.
Друзья мои, без вас тоскливо,
Как будто нет меня без вас.

Я одиночество приемлю,
Поскольку каждый одинок.
Но вместе мы на эту землю
Пришли, чтобы дружить, браток!

А также верная сестрица,
И про тебя я не забыл!
Ты и журавль, и синица,
Твоею статью не упиться
Пытаемся с последних сил!

Простите мне мои метанья
Из края в край, из века в век.
Быть может, и мои скитанья
Дадут вам пищу для смеканья,
Как слаб пред Богом человек!

Для вас искал я жизни тайны,
Для вас хотел стать чуть умней,
Но вышло то, что счас пред вами
Стою и говорю — налей!

*Олег Мархилевич
Октябрь-Декабрь 2000 г.*

Напутствие

Отправьтесь в путь, мои друзья,
В тверские, благостные дали,
Где в прошлом веке был и я,
Крутя отчаянно педали...

Я помню: на рассвете мы
Коней железных оседлали,
И в край полей и старины
На них, родимых, уплывали..

*Олег Мархилевич
2002 г*

V

ПЕРВОМАЙСКИЕ – 2003

Или как мы опять не встретились с байдарочниками

Апрель кончался незаметно. Срочно требовалось как-нибудь определиться с нашим место- и времяпрепровождением на майские праздники, но ясность не приходила. Наконец — решающий момент: ребёночка забирают на дачу. Ура! Мы едем!!!

Куда? Ну, это уже проще. Вариант получился весьма красивый: электричками через Тулу на Чернь, там — *Спасское-Лутовиново*, родовая усадьба Тургенева, затем — *Миценск, Болхов* (основная наша цель), а 3 мая (сами знаете, день вдвойне праздничный!) добираемся до речки Ресеты, которая протекает по краю Калужской и Орловской областей. Разыскиваем товарищей, продвигающихся в её лоне, и гуляем по полной программе. Выбираемся с ними на автобусе или своим ходом на *Козельск*.

Среда, 30 апреля. Около 19 часов. Время выезжать на электричку. Татьяны нет. Рюкзаки застёгнуты, Ваня выставляет велосипеды из квартиры к лифту. Татьяны нет. Я в последний раз пытаюсь вспомнить, что я забыла, надеваю рюкзак и иду к выходу. Звонок!

Около 19 часов 15 минут. Ваня хочет посмотреть дорогу на пл. Трикотажная (там нет турникетов). Мы едем по Строительному проезду,

представляющему собой череду неприглядного вида заборов, за которыми безошибочно угадывается промзона. Впереди — левый поворот на Походный проезд. Долго и безуспешно прорываемся сквозь густой, похожий на хорошую сгущёнку поток автомобилей, выезжающих на Волоколамское шоссе. Наконец, догадавшись притвориться пешеходами, перебегаем через дорогу. На Волоколамке Ваня соревнуется с автобусом за первую полосу, а мы скромно едем по тротуару, давя толпящихся на остановке граждан.

Осуществить своё искреннее желание купить билеты нам не удаётся: касса оказывается на соседней платформе, и пока Ваня раздумывает о прератностях судьбы, к нам подъезжает электричка до Чехова.

Пл. Покровское-Стрешнево. Двери открываются с той стороны, где стоят наши велосипеды. Раздаётся характерный грохот, и собирающийся войти в наш вагон мужчина еле успевает отскочить на платформу: вход уже намертво перегорожен рухнувшими велочастями. Хороший способ отпугивания дачников.

Электричка Каланчёвская — Серпухов. Денис сообщает про Дениса-2, найденного им в Интернете и собирающегося присоединиться к нам в Серпухове завтра утром.

Г. Серпухов. Около 12 часов ночи. Перебираемся по железнодорожному мосту на левую сторону и едем вдоль путей. Фонари постепенно исчезают, и внутренний голос всё настойчивей предсказывает, что я скоро или в колдобину какую-нибудь въеду, или в луже, глубокой и грязной, побываю. Правда, потом я с удивлением обнаруживаю, что ни разу не вернулась по дороге.

Когда мне удаётся догнать друзей, едущих в свете фары Дениса, мы уже подъезжаем к лесочку. Только бы не кладбище! Нет, сосновые посадки, перед ними — свалка, перед свалкой — лужа. Углубляемся в лес, при трепетном свете свечного огарочка ставим палатку. Даже в темноте замечаем дивную сосну, толщиной в полтора обхвата, мощную и красивую, устремляющую ветви свои в звёздное небо.

...Я залезаю в палатку, когда поблизости неожиданно раздаются странные звуки. Оборачиваюсь: Ваня наглаживает невесть откуда взявшегося молоденького кота. Оп! — и кот у меня на коленях. Попробуй, скинь! Скорее забираюсь внутрь. Подъём завтра — в 5 утра. Денис заводит свой будильник, и все засыпают. Только снаружи доносится громкое урчание, да по палатке гуляет тень хвоста «Мурзика».

— Он на меня залез!! — недоумённый голос Дениса выводит из предсонного состояния. А спать остаётся чуть больше четырёх часов.

1 мая, ~ 5 часов. Утро наступает от пиканья будильника. Кот здесь. Он-таки всю ночь проспал на Денисе и, в отличие от него, остался очень доволен. Выбираемся на дорогу и едем к станции. Кот провожает нас до асфальта и с грустью смотрит вслед.

Около 5.45. Электричка Серпухов — Тула уходит в 6.30. За 10 минут до этого прибывает электричка из Москвы. Наша цель — занять места до появления рвущихся на заслуженный отдых дачников. На нужной нам платформе замечаю велосипедиста в жёлтой футболке. Он помогает поднять велосипеды и оказывается Денисом-2.

(Добытая информация: Имя: Денис.

Возраст: как у Дениса.

Велосипед: как у Дениса.

Скорость передвижения: как у Дениса.

Опыт многодневных выездов: отсутствует.

Что имеется: спальник;

палатка, ни разу не собиравшаяся;

желание поехать в компании).

Пока думаем, в какой из вагонов лучше пристроить технику, приходит московская электричка. К счастью, народу в ней не очень много. Усаживаемся с комфортом; Денис тут же уединяется со своим новоприобретённым товарищем.

Электричка Тула — Чернь. Со свободными местами здесь хуже, но тем, кто очень хочет, сесть удаётся. К середине пути нас посещают кондукторши с билетами. Двум Денисам в противоположном конце вагона везёт: они отовариваются; нас же благородные работницы железных дорог пересчитывают, оценивают и разве что сумму за проезд на листочке не выписывают, зато оставляют на растерзание идущим следом поделникам-контролёрам, дабы и им было чем поживиться. Взиматели штрафов появляются, как всегда, неожиданно. Ваня показывает им свою корочку, два Дениса показывают два билета, мы говорим что-то типа «Мы с Ваней», и они... уходят. Правда, через какое-то время всё-таки возвращаются, возглавляемые двумя кондукторшами, возмущёнными и «бессовестно» нами «обманутыми». Приходится раскошелиться.

«Козельские засеки» (?). Здесь Лев Толстой пересаживался на лошадей, чтобы добраться до Ясной Поляны. В ознаменование сего из окна состава видны «Багаж», новенькие фонари *a-ля* 19 век и непривычно ухоженные газоны. Не иначе, здесь ожидается приток евротуристов. На станции Горбачёво — большой зимний сад. Чернь, конечная, запоминается патристичным местным жителем, весьма обрадованным нашему появлению на *его* родине.

В электричке решаем, как нам двигаться дальше: длинной асфальтовой дорогой или же романтической просёлочной. Ваня склоняется к грунтам, Денис — к шоссе. Разглядев по карте, что трасса — европейского значения, Денис соглашается на грунтовку. Ваня, насмотревшись на непросохший чернозём Орловских полей, вспоминает народную мудрость: «Короткая дорога — это хорошая дорога».

Машин на шоссе оказывается немного. Два Дениса быстро исчезают из глаз. Мы удачно пролетаем мимо двух «крестиков» и останавливаемся только на повороте к *Спасскому-Лутовинову*. «Здравствуйте, Иван Сергеевич!» — а он с подозрением оглядывает неприличного вида гостей из-за каре акаций. Дорога к усадьбе идёт с горы на гору, вдоль яблоневых садов, полупрозрачных от нераспустившихся цветов и листьев. В середине самого крутого спуска — переезд через железную дорогу у станции Бастыево, ближайшей к усадьбе (*ветка Чернь — Орёл*); опять подъём, и, наконец, деревня.

Отказавшись от соблазна пристроить наши велосипеды на бесплатную автостоянку, подкатываем прямо к воротам усадьбы. Вежливые милиционеры советуют нам купить билеты и даже готовы охранять наш багаж на музейной территории. Уговариваемся мы не сразу, но вскоре уже шагаем с экскурсоводом к дому, отреставрированному на дату последнего приезда туда Тургенева, а потом к любимому Иванушкину дубу, посаженному им перед отъездом на учёбу.

Дуб благополучно пережил Великую Отечественную войну и превратился в могучее, шишковатое по стволу дерево. Парк, уцелевший местами от бомбёжек и тот, что не пошёл на дрова, напоминает Яснополянский, только скромнее и живописнее. *«Сад... был очень стар и велик и заканчивался с одной стороны проточным прудом... В голове этого пруда засел густой лозняк; дальше вверх, по обоим бокам косогора, шли сплошные кусты орешника, бузины, жимолости, тёрна, проросшие снизу вереском и зорей. Лишь кое-где между кустами выдавались крохотные полянки с изумрудно-зелёной, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрея своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядели приземистые сыроежки и светлыми пятнами загорались золотые шарики "куриной слепоты". Тут по вёснам невали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тут и в летний зной стояла прохлада...»*. Говорят, что дед Тургенева отметил наступающий век посадкой липовых аллей в парке в форме римской цифры «XIX». Пока липы были маленькими, под ними росли дикие незабудки, теперь же в тени высоких деревьев этих цветов уже не найти.

Экскурсии в усадьбе проводят, хотя посетителей здесь намного меньше, чем, например, в Талашкине, и потому местечко это гораздо гостеприимнее. Директор музея, человек увлекающийся, недавно вернулся из Ясной Поляны с идеей разводить в Спасском орловских рысаков и катать всех желающих вокруг усадьбы. Для этих целей он даже приобрёл одного чистокровного конька, правда, что с ним делать дальше, никто не знает. Кстати, бывший в имении конный завод стал причиной появления на свет будущего писателя: приехавший сюда по делам красавец поручик кавалергардского полка С. Тургенев не устоял от искушения заполучить породистых лошадок пусть даже в качестве приданого к племяннице устроителя и владельца усадьбы И. И. Лутовинова.

На ступенях церкви, как в музее, стоит коробка с тапочками. Одеваешь их и проходишь внутрь. С яркого света темноватые, но красивые росписи.

Перед музейной оградой — болотистый луг, по которому вперевалочку расхаживают гуси, моют лапки и щиплют траву. От бывшего здесь кладбища остался небольшой, аккуратно насыпанный холм с надгробием из известняка и полустёртой надписью-биографией достойного француза, прожившего в России 24 года, да так здесь и умершего, и часовня над родовой усыпальницей Лутовиновых, выстроенная на месте старой церкви. В этой часовне под железной плитой был погребён таинственный младенец, и надпись на плите гласила, что положена она *«дядею его и другом матери его Иваном Лутовиновым»*. А в усадьбе в это время жили три неженатых брата... В 1813 году в усыпальнице был похоронен и сам Лутовинов, умерший *«скоропостижной смертью»*. По ночам из мавзолея доносятся вздохи Ивана Ивановича, про которого говорят, что слишком много грехов было у него на душе, вот и не дают они ему спокойно лежать в могиле.

Деревня протянулась влево от усадьбы. В кирпичных домах, построенных для крестьян заботившимся о них Иваном Сергеевичем, до сих пор живут люди. А вот часовенка, выстроенная Тургеневым по прошению крестьянских жён, мечтающих отвлечь своих мужиков от пьянства, закрыта. (Только представьте: процветавший неподалёку кабак пришлось перенести из-за того, что он оказался ближе чем *в трёх верстах* от культового здания (т.е. построенной часовни)!) Мы, к слову сказать, посетили деревенский магазин, где разжились продукцией местного молокозавода, развесным киселём того же происхождения, а мценское пиво в розлив проигнорировали из уважения к писателю. Заехали и на автостоянку: оказывается, книжки и сувениры продаются только здесь и только в магазине «Продукты».

День движется к вечеру, мы подъезжаем к Мценску, а на небе происходит что-то, всё более предвещающее снежную бурю или, в лучшем случае, грозу. Смело добираемся до указателя с названием города, где Денис-2 нас фотографирует и покидает, сообщив на прощанье, что если он соскучится по нашему обществу, то знает, где у нас будет ночёвка. Мудрый Верунчик замечает, что мы сами пока этого не знаем, но товарищ уже далеко.

Город встречает пылевыми бурями. Они змейками пересекают дорогу и разбиваются, натолкнувшись на стены домов. Очень хочется укрыться на какой-нибудь остановке и переждать всё это безобразие. Но нельзя: светлого времени остаётся всё меньше, а мы ещё надеемся увидеть мценские достопримечательности.

У действующей Троицкой церкви 1777 года Денис заклеивает камеру. Поэтому мы осматриваем сей памятник архитектуры особенно подробно, снаружи и изнутри. Второй храм (Никитский) удаётся рассмотреть частично. Виной тому — бетонный забор, почти единственное достижение трёхлетней «реставрации». Теперь он прикрывает собой лучший в Орловской области памятник русского классицизма начала 19 века, знаменитый ещё и тем, что в 1825 году на пути из Таганрога в Петербург в нём «останавливалось тело императора Александра I».

Пыль понемногу улеглась, мы переезжаем мост и оказываемся у подножия горы *Самород*, с трёх сторон окружённой водой: это 26-метровое городище естественного происхождения выросло при впадении в р. Зушу речки Мецны. В 16-17 веках здесь была одна из крупнейших крепостей на юге России, по нашим меркам, правда, весьма скромных размеров. В год 850-летия Мценска, который, между прочим, на год старше Москвы, на вершине холма поставили махонькую часовенку и выложили основания башен крепости.

Бросив у подножия велосипеда и Ваню, взбираемся по крутой песчаной дороге. Несмотря на затянутое облаками небо, с горы виден почти весь город, спускающийся по склону к реке. Чем ближе к воде, тем меньше и старше становятся домики; там, где начинается небо, место себе отвоевали серые 5-тиэтажки. Их контуры оживляются редкими силуэтами церковных шпилей и той же высоты дымящими трубами. На правой стороне взгляд притягивает заброшенная церквушка, еле сумевшая взобраться на вершину невысокого холма и окружённая постройками, как курица цыплятами. Между Самородом и этим холмом, как бы в ущелье, в долине Мецны бежит железная дорога, кажущаяся сверху игрушечной.

Грунтовка от городища приводит к Введенской церкви, стоящей на краю обрыва, летом поросшего зелёной травой и жёлтыми одуванчиками. До указа Екатерины здесь был Петропавловский мужской монастырь, церковь была Петропавловским собором, теперь же это — действующий приходской храм, обросший посадом. По описанию, в церкви находится резная деревянная скульптура Николая Угодника. Вокруг храма — небольшое кладбище. Место спокойное и намоленное.

Покидаем город, не успев заехать в музей и посмотреть, как обычно, далеко не всё. Однако время уже позднее, и хочется поскорее пристроить в каком-нибудь лесочке нашу палатку и заняться ужином. У Вани, правда, другие замыслы: по его плану нас ждёт ночёвка в Шестаковском парке, «ценном памятнике природы», что в 20 км от города, не считая 3-километрового подъезда к нему по грунтам.

Мы не проезжаем ещё и полдороги, как у небесной канцелярии кончается терпение, и на невнятных многократных предупреждениях путников обрушиваются ветер и дождь. Руль не слушается, чуть зазеваешься, ветер радостно сталкивает велосипед с асфальта в мокрый песок. В моей видимости — ни остановки, чтобы укрыться от непогоды, ни столба, чтобы приставить к нему непослушное создание. Пока я достаю куртку, прислонённый ко мне велосипед под напором ветра отъезжает к обочине и валится на бок. Хватаюсь за него — улетают приготовленные от дождя вещи. Капли текут по лицу потоком, и, в довершение всего, я оказываюсь на дороге последней. Даже Верунчик уже проехала. Решив не поддаваться злым силам природы, старательно и не торопясь одеваюсь. С чувством морального удовлетворения сажусь на велосипед, отталкиваюсь... и сразу с него слезаю. Моего конька можно тащить по дороге волоком, можно поднимать и переставлять вперёд, как шахматную ладью, можно бросить его прямо здесь, но ехать на нём нельзя. И я даже вижу, почему: ручной тормоз сумел так сжать в объёмах переднее колесо, что оно, позабыв обо всём, совсем перестало крутиться. Разъединить «сладкую парочку» мне не удаётся, остаётся только волочить упряма по дороге и надеяться на заботливых товарищей, вдруг заметивших моё отсутствие и поспешивших на помощь. Меня спасает Денис, приехавший выяснить, что со мной случилось. Когда я догоняю друзей, колесо крутится нормально, а тормоз пользуется предоставленной ему полной свободой и независимостью.

Ваня осматривает на местности нарисованный в карте синий пунктир. До плановой ночёвки — 9 километров. Ура! Мы дальше не поедём!! Зато теперь Ваня сможет всем рассказывать, что мы ночевали всего

в нескольких километрах от Шестаковского парка, но так в него и не заехали.

Место оказалось вполне удачным. Дождь понемногу утих. За водой ходить недалеко. Дрова тоже нашлись. Не нашёлся только Денис-2, чья дальнейшая судьба так и осталась для нас неизвестной, и мы можем предположить всякое...

С утра нас радует ясное солнышко и голубое небо с быстро спешащими навстречу облаками. Правда, когда мы выезжаем в сторону Болхова, оказывается, что вместе с облаками на нас движутся все воздушные массы планеты, в которых наши велосипеды вязнут, как комары в Ванином киселе. На оставшиеся 36 километров до города мы тратим почти весь день. В памяти оживает знаменитый поход на Старую Рязань в 1993 году, когда, по рассказам очевидцев, ветер передвигал автобусные остановки. До Болхова остаётся несколько километров, и мы, наконец, обедаем как птички небесные, расположившись прямо на асфальте под прикрытием автобусной остановки.

В городе нам первой попадается Введенская церковь конца 18 века, небольшая, словно собранная из детских кубиков, крестообразная в плане, с небольшой колоколенкой, увенчанной шпилем. На парадных дверях — объявление-просьба не посещать храм в неподобающем виде. Прочитать его мне не удаётся, поскольку внутрь я попадаю со двора, через двери, на которых ничего не написано. Недружелюбно косящиеся на меня бабушки в конце концов не выдерживают и выдают мне косынку, когда я уже собираюсь уходить.

Дальше нас ожидают два церковных ансамбля, выстроенных, по традиции, на лучших видовых точках города. Болхов со временем богател, и рос, и достраивался, иначе чем объяснить наличие в каждом архитектурном памятнике исключительно разновременных построек?

В первом ансамбле бросается в глаза 5-тиятрусная колокольня конца 19 века без верха, возвышающаяся над линией остальных построек: примыкающих к ней ворот того же времени, соединённых с летней и зимней церквями начала 19 и середины 18 веков. Входишь в арку и оказываешься на небольшом дворике, окружённом со всех сторон наседающими на него избами, закрывшими уже собой спуск к реке. В контрастном предзакатном освещении полуразрушенный портик летней церкви смотрится особенно эффектно.

Ко второму комплексу построек мы подъезжаем, пересекая один из многочисленных оврагов, расчлняющих город на части. Перед нами — бывший острог, или городище, круто спускающееся к реке. Взбираясь

в гору по мощёной булыжником улице, замечаю сначала изящную колокольню первой трети 19 века с часами, за которой появляется могучее тело Спасо-Преображенского собора (1842). Уже поднявшись, обнаруживаю в глубине ничем не примечательную, кроме размера, колокольню конца 19 века, опять же без верха. За ней скрывается небольшая 5-тиглавая Троицкая церковь (1708), изукрашенная ракушками-закомарами, изящными наличниками на окнах, резными белокаменными колонками обрушившегося портала... Хочется взять и увезти её с собой, чтобы разглядеть поподробнее.

Смотрим на часы: 6 часов вечера. Вернуться домой мы должны послезавтра.

При свете заходящего солнца слушаем Ванины предложения, стараюсь нанести их на карту. Получается следующее:

- 1) Чтобы попасть на Ресету и успеть вернуться потом в Москву, надо было выезжать из города два часа назад и преодолеть до ночёвки ещё 20-30 км;
- 2) Можно ехать обратно на Мценск той же дорогой, но уже по ветру (если он, конечно, не переменится), тогда мы точно успеем вернуться;
- 3) Держать путь на Орёл, и, возможно, ночевать на вокзале, чтобы с утра сесть в электричку и добираться до Москвы на перекладных.

Ване нравится второй вариант, но почему-то все остальные, словно сговорившись, выбирают третий, хотя приезжать в большой город с ночёвкой не очень-то хочется.

...Тихие просторные улицы, купеческие дома, узкие и глубокие овраги, церкви, нависающие над ними; закрытый музей, открытые по вечерам магазины, малолюдность и ощущение недосмотренности — вот что остаётся в памяти, возможно, не совсем соответствуя действительности. Мы едем к окраине города, чтобы попасть в древний монастырь. На повороте у спуска к реке встречаем запыхавшегося, тяжело поднимающегося в гору велосипедиста.

— Как проехать в Монастырскую слободу?

— Если в Верхнюю — вперёд, в Нижнюю — назад.

Узнав, что нам нужен сам монастырь, он посылает нас по серпантинному спуску вниз, к мосту. Потом, уже на другом берегу, мы преодолеваем такое же расстояние вверх. Выехав из города, сворачиваем направо у памятника павшим воинам, пересекаем по асфальтовой дороге поле и, легко

миновав несколько километров, подкатываем к посадку. Сразу за деревней ищущий взгляд упирается в сохранившуюся угловую башенку монастырской ограды, за ней показываются ворота, чуть дальше к ограде примыкает жилая и хозяйственная часть действующей женской обители; в глубине её виднеется храм.

Как и все культовые постройки Болхова, Троицкий Оптин монастырь расположился на самом высоком, удивительно живописном месте. Остатки некогда кирпичной ограды, сползающие по крутому склону к речке с непонятным названием Нугрь, в недостающих местах дополнены изгородью, какой обычно огораживают в деревнях огороды от коров. На закрытых, но легко преодолеваемых воротах прикреплён листок с призывом уважать монастырскую собственность. Единственный уцелевший собор, отстоящий теперь от всех построек, немного разрушенный, величественный и одинокий, великолепно смотрится с реки, возвышаясь над грядой зелёных холмов, тянущихся вдоль монастырского берега.

Пока мы осматриваем его внутри и снаружи, ходим на источник, становится ясным, что приближающиеся тучи успеют вылить на землю все свои запасы, не дождавшись, пока мы доедем до какого-нибудь леса и встанем на ночёвку. Поэтому принимается «волевое» решение: ставить палатку прямо под стенами монастыря, на склоне, обращённом к реке, с видом на город и на раскинувшиеся под потемневшим небом поля.

Мы устраиваемся на единственном горизонтальном пятачке примерно на середине холма, рядом с заросшей, с осыпающимися краями дорожкой, когда-то огибавшей весь монастырь. С дровами здесь, на удивление, всё в порядке: по склону выросли большие уже деревья, которые засыхают то ли по своей воле, то ли по воле обитательниц монастыря. Мы почти успеваем поставить палатку, Татьяна уходит к источнику за водой, и тут небо прорывается. Дождь, сильный и недолгий, обрушивается на нас, но зато после него пахнет свежестью, небо поднимается, тучи превращаются в облака, и мы можем наблюдать закат над городом прямо из палатки.

По скользкому склону, густо поросшему снытью и чистотелом, влезаю к остаткам кирпичной ограды. Далеко внизу змейкой струится Нугрь, раскинувшиеся за ней поля переходят у горизонта в одно большое небо, очертившее золотисто-розовой краской силуэт города. Наши палатки кажутся сверху игрушечными, возле них клубится игрушечный дым от игрушечного костра... Однако нас уже ждёт настоящий горячий ужин, а впереди — неоднократные попытки связаться по мобильнику с будущим именинником, чтобы сообщить ему о нашем отсутствии на завтрашнем

торжестве по уважительной причине. Правда, поговорить Денису удаётся лишь с Дейнекой, сидящим в это вечернее время в Дмитрове.

На следующее утро, спустившись к петляющей по пойме тропинке, мы возвращаемся в город, взбираемся по песчаному склону к Христорожественскому женскому монастырю и осматриваемся. Хозяйство здесь ведётся на широкую ногу, так что небольшую церковь рубежа 17—18 веков не сразу-то и заметишь среди разнообразных построек.

Прежде чем покинуть город, останавливаемся у краеведческого музея, который был замечен Ваней ещё вчера. Он почему-то закрыт, хотя, судя по приколотому на дверях расписанию, должен бы работать. Проходящая мимо «болховчанка» советует нам зайти в библиотеку, мол, они должны знать, как работает музей: одно, чай, ведомство. Мы с Верунчиком переходим через дорогу и направляемся к дому напротив. Библиотека открыта, но про музей здесь ничего не знают. Чтобы не возвращаться «не солоно хлебавши», интересуемся местной краеведческой литературой. Библиотекариши, озадаченно переглянувшись, сообщают нам о её отсутствии. И тут я замечаю почти вплотную к столу, за которым сидят и пьют чай эти представительницы интеллигенции, здоровый стенд с книжками как раз на нужную нам тему. Обрадованные, мы начинаем копаться в изданиях, самое молодое из которых увидело свет в 1989 году. И успеваем почерпнуть кое-что интересное до того, как нас забирает Ваня, уже знающий, почему музей не работает. Он, музей то есть, вместо 3-его мая почему-то работал 1-ого, и теперь перенёс себе выходной как раз на тот единственный день, когда мы могли бы в него попасть.

Выезжаем из города по дороге на Орёл. Ветер есть, но боковой, и не такой сильный, как вчера. Деревни сменяются полями, поля — деревнями. Время подбирается к обеду. Но Денис смазал Тане цепь, и догнать их не просто. Слева от дороги, неожиданно для привыкших к монотонности пейзажа глаз, появляется сосновая аллея, которую Ваня сразу определяет как усадебную. Хорошо, что оказавшаяся неподалёку развилка притормозила наш авангард, и теперь мы можем свернуть к усадьбе и пообедать на её территории.

По петляющей между корней дорожке пробираемся вперёд, старательно огибая лужи. Сосновая аллея сменяется берёзовой, затем — парком. Дорожка почти заканчивается, когда взгляду открывается до боли знакомая картина: на небольшом кусочке земли, свободном от лиственниц, лип и дубов, свалены в живописном беспорядке обломки сельхозтехники и прочий хлам, в изобилии встречающийся в деревнях. Вокруг этого планировочного ядра местного архитектурно-паркового ансамбля,

с трудом втиснувшись между старыми деревьями, разместилось несколько покосившихся, полудеревенского вида домиков. У одного из них копаются на грядках округлых форм тётушка, подозрительно на нас поглядывающая. Ваня с Верунчиком решают вступить в контакт с представительницей местного населения:

— Это парк?

— Да нет здесь никакого парка!

— Но здесь усадьба была?

— Не было никакой усадьбы, просто барыня жила...

После столь многообещающего начала разговора нам всё-таки удаётся узнать, что в *Каменке*, помимо всего увиденного, имеется пруд, а сама местная жительница — художница и вообще интересующаяся историей...

Через парк по заросшим колоннадам аллея пробираемся к пруду. Водоёмов оказывается два. По разделяющей их дамбе переходим на деревенскую сторону. Вода в прудах поднялась настолько, что деревья, растущие раньше на берегах, оказались теперь оторванными от земли на несколько метров. Денис почти поймал на обед бобра, но купаться почему-то не стал. Вместо этого мы расположились под липами и пообедали на солнышке.

Пока мы занимаемся поглощением пищи, Ваня, как обычно опередивший нас в этом важном деле, вновь рассматривает карту. Результатом тут же обработанных во сне данных становится заманчивое предложение: не доезжая до Орла, свернуть с шоссе уже через несколько километров на грунты, посмотреть по пути два-три «крестика» и заночевать, чуть-чуть не доезжая до железнодорожной ветки Орёл — Тула. Тогда с утра мы сможем сесть на идущую в Тулу электричку с любой ближайшей к нам платформы.

Предчувствуя скорое отсутствие цивилизации, мы опустошаем ближайший магазин в деревне с названием *Полозовские дворы*, встретившись нам уже второй раз на протяжении трёх километров. Как раз где-то здесь находится нужный нам поворот в поле. Спросить, тот ли он, не у кого, а шоссе идёт дальше в горку, так что мы на свой страх и риск сворачиваем на колею, местами подёрнутую лужами.

Если верить карте, километров через шесть обозначенная на ней «автомобильная дорога без твёрдого покрытия», обогнув овраги и не встретив на пути досадных развилок, должна привести нас к деревне *Нелюбова*, от которой несколько грунтовок веером расходятся в разные стороны, но в конце концов все они добираются до Оки, текущей параллельно железной дороге.

Действительность, как известно, разнообразнее любой схемы. И даже карты. В этом мы в очередной раз убеждаемся, стоя посреди большого

поля и в задумчивости рассматривая нарисовавшийся перед нами трезубец. Пока наши самые мудрые головы решают, направо или налево ехать, за спиной раздаётся рёв, становящийся всё настойчивее и громче. Вскоре Ваня тормозит трактор с четырьмя пассажирами. Общими усилиями они разбираются с предстоящим нам маршрутом, и мы снова крутим педали.

Вот и деревня. Уж не знаю что, но что-то сподвигло наш авангард свернуть с основной дороги и заехать сюда. И вот мы уже вместе вязнем в «заливных лугах», стараясь обойти тракторную колею с жирной, чавкающей грязью, ошибочно называемую здесь дорогой. Когда удаётся выбраться на твёрдую землю, нас поджидает испытание в виде сторожевого гуся, с гоготом бросающегося на проезжающих мимо него велосипедистов. Верунчику, замыкающему эскорт, достаётся больше всех. Но и это ещё не всё. На другом конце деревни выясняется, что дороги дальше нет, и нужно выезжать обратно и мимо гуся, и по мокрой и грязной траве.

Привычка не возвращаться той же дорогой в сочетании с вышеперечисленными неприятностями привела нас к решению пойти кратчайшим путём, то есть напролом. По узеньким мосточкам перетащив за собой велосипеды то ли через ручей, то ли через овраг с водой и потыкавшись в глухие заборы в поисках выхода из не любящей нас деревни, мы всё-таки протискиваемся сквозь неё и оказываемся в травяных зарослях, преградивших нам путь.

Вот, наконец, и основная дорога, но резиновые сапоги снимать рано. Правда, некоторые участники похода предпочитают преодолевать грязь босиком, а кое-кто сушит потом промокшую обувь на руле, но мы не будем обращать внимание на наши отдельные недостатки.

Последней вехой становится сооружение Денисом *переправы через дорогу*.

В *Клеймёнове* нас встречает асфальт. И церковь не совсем православного вида. После перекуса нам предстоит выбрать, какой из двух «крестиков» мы будем смотреть: в *Какуринке* или в *Башкатове*. Оба нам неизвестны, дорога и до того, и до другого примерно одинаковая, разве что рядом с Какуринкой протекает безымянный приток Оки, который может очень пригодиться для ночёвки. Наличие воды вместе с весёлым названием и определяет наш выбор (никому не говорите, что на местности Какуринка вдруг оказалась Пасловым!).

Шоссе бежит с горки на горку, показывая всё новые живописные картины в моём любимом предзакатном освещении. Дорога ровная, без

выбоин, ехать по ней — сплошное удовольствие. ...Кажется, не для всех: у ребят — очередные велоремонтные работы.

Чем ближе к Оке, тем сильнее спуск и тем хуже асфальт. Вот мы уже едем параллельно реке, до которой остаётся меньше километра. Близость Оки чувствуется, но она остаётся для нас невидимой. Сворачиваем к деревне. Стройный силуэт церкви, стоящей на холме, освещён заходящим солнцем. А в низине, в окружении разного достоинства лимузинов, замечаем благородных очертаний часовенку, из которой раздаются... нет, не церковные песнопения. Вопли и крики, и мужские, и женские.

У часовни Владимирской Божьей Матери бьёт святой источник. Вода течёт с таким напором, что напоминает прорвавшуюся водопроводную трубу. В часовне сделана купальня, и местная молодёжь с удовольствием ею пользуется. Через какое-то время мы с Таней и Верунчиком попадаем внутрь. Пол выложен плиткой. Стены окрашены в белый цвет; у самой дальней от ванны стены стоит распятие, висит лампадка и несколько икон. На закрашенном окне — иконки и искусственные цветы. Видно, что всё совсем новенькое: и ванна, в которой могут поместиться стоя человека три, и сама купальня, на чьи-то немаленькие средства выстроенная.

Вода в ванну льётся не менее мощным потоком, а уходит по специально проложенным отводам в тот приток, у которого мы собираемся ночевать. Пока Верунчик с Денисом поочередно купаются в ледяной воде, мы с Таней, напившись из источника, идём к церкви. Она жизнерадостно сияет нам навстречу изумрудно-зелёным свежеекрашенным куполом.

Наше весёлое настроение брызжет во все стороны. Вскоре мы сами это замечаем, но заставить себя не смеяться нам не удаётся. Особенно нелегко приходится Татьяне, героически заставляющей себя не хохотать целые секунды, но затем подвергающейся новому, ещё более тяжёлому приступу смеха. Когда возвращаемся, смешливость не проходит. Даже наоборот. Это замечают все, кроме уехавшего выбирать место ночёвки Вани.

После анализа проведённых в естественных условиях наблюдений выдвинутая нами научная гипотеза объясняет эффект гиперболизации смешливости повышенной чувствительностью индивидуума к парам Святого источника.

Взяв велосипеды, мы переходим по мосткам ручей, вытекающий из купальни, и оказываемся у притока. Ваня уже на другом берегу, и Денис идёт вброд. Мы не настроены на такие подвиги, поэтому продолжаем двигаться по тропинке, которая приводит нас к переправе. Речка здесь очень

петляет, и наша палатка оказывается как бы со всех сторон окружённой водой. Берега густо поросли кустарником, который прячет нас от любопытных глаз. Мы используем его и для костра, правда, наломанные дрова далеко не всегда оказываются сухими.

Утром над нами нависает серое небо, из которого сыпется нудный дождь. Приходится под ним есть, складывать палатку и привязывать рюкзаки. Впереди — остановочный пункт *360-ый километр*. До него километров шесть, и усилившийся с неба поток прибавляет нам скорости. На платформу мы приезжаем минут за двадцать до электрички. Когда садимся в неё, дождь почти прекращается.

...Вот, собственно, и всё.

Надя Демидова

Стасу

Там, в Высокопетровском, там лето продлится
Пока люд во дворе будет в среду трудиться.
Пока солнце протянет из лета лучи
И прожектор согреет в осенней ночи.
Будет пиво искриться напевом морским
На бульваре просторном, наречённом Страстным.
И огромные доги, мимо нас проходя,
Может, тоже добавят
К лету лишних два дня.

*Олег Мархилевич
Октябрь, 1999 г.*

VI

СОЛОЖКИИИИИ

Странно, вот уже кажется и зареклась не писать о Соловках, вроде написано уже много и разного и трудно придумать что-либо новое. Так нет, в минуты душевного неуютa, разочарования, болезни или грусти мыслями непременно уношусь на север, к холодному морю и знакому архипелагу. Конечно, есть и другие острова: Сан-Мишель, Венеция, Джерба, но там я бывала в качестве любопытствующей путешественницы, зрительницы великолепного спектакля, героями которого служили море, суша, монастырь, крепость, церкви, дома... Есть также и Валаам, и Коневец, которые могли, но не стали такими родными, как Соловки.

Даже при полубродячей жизни, для меня очень важно понятие дома, пусть нескольких домов, но главное места, где я могу побыть сама с собой, где меня окружают знакомые вещи, где душа отдыхает. Вот и сейчас я пишу, свернувшись калачиком в тихой комнате, а в окнах качаются тополя, плывут облака и солнце греет ставни. С кровати я вижу бело-голубое небо, верхушки тополей, лоснящиеся жёлто-зелёные листочки на ветках и солнечные блики на гибких стволах. Порывы ветра заставляют деревья раскачиваться влево и вправо и они напоминают похудевших кукол-неваляшек. Внешнего шума я не слышу: на окнах стеклопакеты, только в трубах слегка журчит вода, да порой кто-то прошлёпает по коридору... О, чудо! Какая-то птичка прорывается настойчивой трелью. А со мной моя музыка и оранжевая чашка, потрёпанный спальник и тетрадка с ручкой. Тишина вокруг перерастает во внутреннюю тишину, её слушают открытки и фотографии на стенах и к ней приобщаются ни о чём не подозревающие

друзья, на них изображённые. Я дома. Воскресенье перевалило за полдень, я занимаюсь обретением внутреннего спокойствия и отдохновения. И неизбежно думаю о Соловках.

На этих островах, несмотря на некоторые бытовые неудобства, я живу полной жизнью, жизнью активной и несколько растительной, в смысле, что словно в Ноевом ковчеге, на Соловках животные, растения и люди перемешаны и слиты. Увеличивающееся год от года количество туристов не превратило острова в курорт, во всяком случае, после шестилетнего отсутствия я вновь обрела дорогие мне моменты созерцания и любования природой, полезного хождения по пыльным или мокрым дорогам, радостного узнавания уже столько раз досконально изученного монастыря. И я, как тополя за окнами, клонюсь, тянусь к северу, но нет, вновь возвращаюсь в тихое предместье. Мне могут возразить, что на севере России, в Карелии, в Архангельской, да и в других областях много чудесных уголков нетронутой человеком природы, великолепных церквей, рек и лесов. Я добавлю, что и люди там хорошие и отзывчивые, и есть возможность поработать на реставрации церквей и часовен. Но всё-таки в местах диких и безлюдных или малонаселённых я чувствую себя немного неуютно. Так уж получилось, что я выросла и живу в крупных городах, я привыкла к городскому шуму и движению, архитектурным сооружениям, магазинам, библиотекам, выставкам. И на Соловках есть и атрибуты цивилизации и природа. Там есть Монастырь, которым можно любоваться днём и ночью, в дождь, туман, при солнце, луне и звёздах. Особенно хороши белые ночи, когда ночи нет, а есть варианты сумерек и силуэт Монастыря начинает утончаться и растворяться в дымчатом прозрачном небе. На острове есть и магазины, и бани, и футбольное поле, можно взять напрокат велосипед и махнуть до Ботанического сада, Филипповских садков, на Печак или Муксалму, а можно и не пожалеть собственные ножки и прошагать пару (десятков) километров. Также всегда есть возможность пойти на берег моря или озера и остаться там на пару дней или отправиться в многодневный поход, не загадывая электрички или автобусы, просто на своих двоих: всё близко, всё досягаемо.

Но, конечно, дело не только в плодах цивилизации и в верности привычке. Если я привыкла питаться фруктами, салатом, сыром, рисом и йогуртами, а в Тунисе мне предлагают пшеничную крупу, варёные овощи, картофель и яйца, а на Соловках все едят кашу и суп, я ем то, что мне предлагают. За шесть приездов на острова я ни разу не ходила в кино, на концерт или на лекции. Для меня важна сама возможность попасть и на выставки, и в библиотеку, тот пресловутый «путь к отступлению»: если что, я могу...

Однако, главное, что от окружающей красоты никогда не устаёт глаз. Конечно, северная природа не дарит такого разнообразия форм и красок, как южная. На юге всё на виду, всё бросается в глаза: цвета, формы, изобилие, роскошь и великодушие, но есть во всём и поверхностность. На севере всё сложнее: краски менее яркие, необыкновенные формы и сочетания приходится искать, прекрасное нужно уметь подстерожить и разглядеть. И дело здесь не в северной «суровости», как некоторые любят говорить, а в нежелании хвастаться, поражать и бросать пыль в глаза. Сначала мы хорошенько познакомимся, друг к другу приглядимся, ну а потом можно показать заветное и скрытое от посторонних глаз. И один раз увидев, уже не сможешь оторваться. Потому и к волшебным озёрам нужно идти через горки, овраги, бурелом и болота, и комары покоя не дают и в кроссовках хлопает и ветки хлещут по лицу... Но, найдя заветное озеро со спокойной водой, в которой плывут облака и верхушки сосен, где так сладко купаться или лежать, покачиваясь на дне лодки, находишь и радость и отдохновение. А вкуснейшая рыба, а метровые кусты черники с ягодами-вишенками или грибы? Разве можно не вкусить всей этой роскоши? Поэтому северная природа не поражает, а привораживает, недаром ходят легенды о лесных колдуньях и всякой нечисти — места-то не простые, а заколдованные. И аленькие цветочки там растут, и папоротники расцветают и русалки поют в озёрах хрустальными голосами. Вот так и уживается на Соловках древний каменный красавец-Монастырь, место молитвы, страдания и надежды и языческий лес со своими лешими и водяными, кувшинками и морошкой на болотах, потайными тропами, затерянными озёрами и заросшими лесом безымянными возвышенностями.

Наверное, потому меня туда и тянет: в историю, в старину и сказку, то страшную, то волшебную и романтическую, то пересказанную другими, то сочинённую самой. Без сказки ведь, право, жить скучно! К примеру, куда теперь денешься от Васи Косякова, чьи новые приключения так и просятся на бумагу или девушки-карелки, она ведь была настоящая колдунья и до Васи много чего удивительного произошло в её жизни! А что касается традиционного праздника африканской женщины, то я после пребывания в Тунисе приобрела новые познания об североафриканской жизни и горю желанием поделиться с друзьями. Ведь в 2003 году праздник позорно забыли и не отметили! А сколько песен мы вспомнили в длинные белые вечера на кухне при свете свечки, избалованные соловецким мармеладом и пирогами! Ведь в Москве всегда не хватает времени, чтобы попеть, посидеть всем вместе, нужно ехать домой, спешить выспаться. На Соловках выспаться не удавалось никогда, даже мысль такая

не появлялась — не до сна. Здесь важна жизнь, а не сон, бодрствование, движение. И во сне кажется, что острова как лодка качаются на поверхности моря и немножко плывут, а потом возвращаются. Поэтому поспать немножко нужно — им же тоже хочется чуточку поплавать.

Ну вот, кажется, зафантазировалась. Ещё немножко и начну писать о бычках, коровах, козах, кошках, собаках и чайках, наших соседях и полноправных поселковых обитателях. Ведь я завела даже домашнюю кошку Кисьмуську, она имела право спать на моём спальнике, но всё время норовила присоседиться к Саше или Жене. За время нашего Поднебесно-Анзерского путешествия пушистое создание отбыло в неизвестном направлении... Мои соловецкие потери...

В общем, и во Франции, и в России, и в Тунисе меня тянет на Соловки. На две недели, а лучше на три, а может на месяц или сразу на ...? Страшно подумать! На целых 5 недель!

Оля Шестакова
olenka (ovalentinna@mail.ru) | 13.04.04 15:37

О, как мечтаю, чтоб полился стих
Из облаков, с высоких колоколен
С дорог усталых и из чащ лесных,
Слова явились, чтоб лечить, кто болен.

С озёр далёких, безымянных вод
Весёлых волн дойдёт до нас дыханье.
Я так надеюсь, верю, что придёт
Всё то, что ждём, всё то, что станет тайной.

Олег Мархилевич
2000 г

VII

РАСКОПАНО В РУКОПИСЯХ...

К ПД бывают разными — полезными, певческими, пивными...

Рождественка никогда не оставляет помойку после себя, предпочитая раскапывать чужие.

Волейбольный мячик летает медленней, чем комары и не так точен. А жаль.

Белухи ласковые, добродушные и очень игривые. Пахнут светлой свежестью и с удовольствием подставляют шкуры для почёсывания, пока, разнежившись, не вздохнут в лицо. Таааким рыбным духом! Живые они...

Не знаю, кто держит Землю, но Соловки точно зацепились за хребет доброго морского чудовища. На Зайчиках даже можно услышать его дыхание. Если сильно не орать.

Пустая консервная банка, найденная в раскопе, радуется сильно. То же самое, но в столовой — не очень. Хотя расстояние всего-то метров 200.

Согласно правилам, установленным этикетом — есть на ходу НЕЛЬЗЯ! (из лекции, недочитанной комарам)

Если морскую звезду поднять над водой, то, вцепившись, она способна вытащить булыжник во много раз тяжелее самой себя. Удержаться пытается.

Тем, кто любит смотреть на бегущую воду — рекомендуется поход на лодке, любителям горящего огня — тоже, но с дежурными.

Мобильники на Соловках не работают — ритм жизни не тот (*устар.*)

В воскресных походах все дороги ведут в Реболду, правда, не всех приводят...

Богата и обильна земля Соловецкая, каждый желающий может найти здесь грибы, ягоды, гаечные ключи...

Соловки спрятаны в раковине мидии. Полгода она держит их внутри, а потом выворачивается наизнанку.

Елена Сысак

Санкт-Петербургу

Я знаю, тяжела судьба твоя,
О, повидавший в этой страшной жизни разное:
Несчастий дни, когда дома горят,
И небо синее, и празднество прекрасное.

И верю я, что много лет спустя
Я так же буду по тебе гулять, смотреть мосты,
И что со мной пройдёт моё дитя,
А серым камням набережных не дадут остыть.

И я спешу вперёд бегом,
Туда, где синее небо обнимет
Дома и осеннюю площадь тайком,
А крыши и трубы повиснут над ними.

*Ваня Абраменко
29 января 2004*

VIII

Ъ СЕРОМ

Посвящается 27 января 1944

*«Кто-то разрешил трамвайным рельсам разрезать этот город,
Трамвай идёт разбитый, громяхая через ночь, ножом по горлу»*

А. Васильев

Вдоль прямой, как стрела, широкой улицы стоят серые заброшенные здания. Их окна черны, у них нет крыш, а местами даже стен. По середине улицы проложены трамвайные рельсы, давным-давно заросшие травой. Не ездят по этим путям трамваи, никто не живёт в этих домах. Но каждый день их освещает солнце или поливает дождь, овевают ветра, бьёт град или укрывает снег. А дома стоят, печально глядя своими пустыми глазницами. Никому нет до них дела, потому что никого нет на этой улице. Никого нет во всём этом громадном городе. Когда-то здесь жили люди, но война всех разогнала.

Ан нет, оказывается не всех. Кто это там шумит в переулке? Смотрите-ка, это же дети! Из переулка на улицу выкатили на самокатах трое ребят: два мальчика и девочка. Они, смеясь, что-то обсуждали. Господи, они-то что здесь делают, в этом пустом мёртвом городе?

— Ребята, смотрите — рельсы! Здесь ходят трамваи! — удивлённо остановилась девочка. Ребята опёрлись на свои самокаты:

— Кира, не ходят, а ходили, — ответил Дима, старший из ребят.

— Не говори так. Мне кажется, что сейчас подъедет трамвай, мы в него заберёмся и поедем к реке, — Кира мечтательно посмотрела туда, где рельсы сливались в одну точку.

— Да, я бы не отказался прокатиться на трамвайчике, — согласился Васька.

— Ребят, ну что вы, у нас же есть самокаты. И мы сейчас поедем на них к реке, — успокоил их Дима.

— Тогда поехали, — Кира покатила вперёд вдоль путей, — догоняйте! — и мальчишки не замедлили последовать её примеру.

Широкая разбитая улица, казалось, ожила — ведь по ней мчалось трое детей. Но они проезжали мимо домов, и дома снова оставались наедине с собой, улицей и небом.

В стороны от проспекта разбегались переулки, улочки. В какой-то момент проспект по небольшому горбатому мостику пересёк канал. Ребята остановились на мосту, восхищённо вглядываясь в воду, рассматривая дома. С неба светило солнышко, было тихо и тепло.

— Давайте посидим на мостике, — предложил Васька.

— Давайте.

Они сложили самокаты, сели на краешке и свесили ноги вниз, болтая ими над тёмно-синей водой. Над каналом с обеих сторон гордо возвышались дома, некогда очень красивые, со старинными узорами, а теперь почти все они были серые и побитые. И здесь, в этом странном, одновременно мрачном и светлом, месте на мостике сидели дети, счастливые оттого, что они есть на белом свете. И ещё оттого, что на этом белом свете есть их город. Совершенно непонятный, но абсолютно весь их.

— Поедемте дальше, я хочу к большой реке, — Кира вскочила, — мы же хотели видеть её, посидеть на длинном мосту.

— Ну, что ж, поедемте, — Дима неторопливо поднялся, — давайте сначала заглянем в какой-нибудь дом, может там есть что-нибудь интересное.

Они вошли в самый целый поблизости дом. По более-менее сохранившейся лестнице они поднялись на второй этаж и вошли в какую-то квартиру. В коридоре стоял буфет, в котором сохранился фарфоровый сервиз.

— Может, возьмём себе чашек? — Васька намертво прилип к буфету.

— Ну зачем они нам? Ещё разобьются. Пускай себе стоят, они такие красивые, — Дима и Кира тоже не могли оторваться от разглядывания сервиза. На чашках, чайнике и сахарнице были нарисованы птицы и цветы, никогда ранее не виданные этими отрезанными от жизни детьми.

— А что там дальше? Хватит пялиться на фарфор,— первым опомнился Дима. Ребята продолжили изучать огромную квартиру. В комнатах не было никакой мебели, но в самой большой неожиданно оказался рояль.

— Тр-р-ам! — разнеслось эхом по комнатам.— Тр-р-ам-рам-рам! Трам-там-рам! — Васька обеими руками давил на клавиши.

— Что ты делаешь? Не шуми! — Дима с трудом отцепил незадачливого музыканта от стонущего инструмента. — Ты зачем такой грохот поднял?

— Я хотел поиграть, — насупился Васька,— я же никому не мешаю.

— Но ты же не умеешь играть, к тому же рояль не настроен.

— Подумаешь! Ты же не умеешь воспитывать, а воспитываешь, — Васька важно прошёлся по комнате и толкнул какую-то дверь. Она со стоном повернулась, а затем со скрежетом упала внутрь, поднимая облака пыли. Тут уже и Кира вознегодовала:

— Ну что ты устроил, весь дом разнесёшь.

— Я же просто её тихонько толкнул, а она как рухнет, — Васька виновато топтался в пыли.

— Ладно, пойдём отсюда,— и они вышли на улицу.

— А снаружи всё же лучше, чем в этих пыльных домах. Никогда не буду жить в доме, — вдыхая свежий воздух, сказала Кира.

— Конечно лучше. Улица — это самое лучшее место в мире,— Васька поднял свой самокат, — ну поехали уже, скоро вечер.

Они вновь покатали по проспекту мимо появляющихся разных зданий, которые то стояли, тесно обнявшись, глядя испуганными квадратами окон, то расступались, пропуская улицы. И внезапно бросились в стороны, открывая площадь с памятником посередине.

Ребята подъехали к монументу, изображавшему всадника, под которым конь встал на дыбы.

— А это кто? — тихонько спросила Кира.

— Не знаю, — Дима поискал глазами надпись, — ничего не написано. Странно, что он вообще сохранился, и его не разбомбили и не переплавили на пушки.

Ребята рассмотрели всадника, а затем продолжили свой путь к реке, которая уже должна была быть где-то близко.

Дома всё теснее прижимались к улице, почти насадая на трамвайные рельсы, появилось ощущение, что они сейчас сомкнутся, и улица закончится стеной. Глухой стеной, поднимающейся до самого неба. Но дома вновь неожиданно разбежались, и проспект вывел ребят на площадь перед дворцом. То, что когда-то это был дворец, можно было только догадываться. Некогда сверкавшие на солнце позолотой и украшенные лепниной стены

были ободраны. Здание почти ничем не отличалось от всех остальных в этом городе.

— Давайте зайдём во дворец, — Кира состроила чопорную гримасу, — я хочу побыть королевой. Дим, ты будешь главным министром, а Васька — генералом, — и она решительно направилась к парадному входу. Мальчишкам ничего не оставалось делать, кроме как пойти за ней. Впрочем, это обещало быть интересным.

В залах дворца было пусто. Только один раз ребятам случайно встретился стеклянный шкафчик с пустыми полочками. А ещё Дима заметил пару картин, висящих на стенах.

— Странно, почему их не забрали? — он разглядывал одну из картин, — мне кажется, здесь был музей.

— Не хочу быть королевой пыли и хлама, хочу быть свободной королевой. Пойдёмте же к мосту, — Кира снова бежала дальше.

Они проехали через площадь, потом через буйно разросшийся сквер. И вот перед ними уже катила к морю свои воды огромная река, отражая небо и собирающееся садиться солнце. У ребят дух захватило от этого простора. Они выехали на середину длинного моста и встали к сохранившимся перилам, глядя на город. На их город.

— Вы знаете, я не хочу быть королевой. У них ведь такая скучная жизнь: сиди всё время на троне, доклады слушай. Никакой свободы. А я хочу кататься на самокате, купаться в реке и играть, — Кира тихонько села на край тротуара, — смотрите, какой у нас красивый большой город. И нас здесь всего трое. Это так здорово!

— Да, это здорово! — разом выдохнули ребята и сели рядом с ней, глядя, как изменяется этот пустынный город на закате.

Весь день он провёл в сером, немного осветлённом солнечными лучами, для того, чтобы на полчаса, до захода солнца, одеться в красное. Чтобы покрасоваться своим вечерним туалетом, а затем снова облачиться в серое, правда, теперь уже в тёмное...

Ваня Абраменко

Туристическая оптимистическая

Ты меня на рассвете «забудешь»
Разбудить и оставишь в палатке.
Я проснусь под журчание Клубишь*
И рвану за тобой без оглядки,

Полной грудью вдохнув перед свалкой,
По просёлкам лесами на Икшу.
Ты ж поедешь в Москву с пересадкой —
Я тебя на платформе увижу.

И спрошу, подкрадываясь к тебе сзади
По-французски, по-русски, на идиш:
Что случилось, скажи, Христа ради, —
Почему ты меня ненавидишь?

Ты меня в электричку посадишь
И отправишь к чертям на кулички,
Ты меня от себя не отвадишь —
Я на той же вернусь электричке.

Я клянусь тебе нашею баней,
Несожжённой избушкой, Волгушей,
Красносельской и спевкой кабаньей —
Без меня не найдёшь доли лучшей.

Ты меня разбудить не забудешь...

Пашиа Матасов

* Клубишь — полученное в результате сделки автора с совестью название ручья Клубеш (приток реки Волгуша).

IX

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Философическая

Планеты кружатся вокруг солнца точно шарики, запущенные опытной рукой крупье. Одним выпадет проигрыш, другим выигрыш. И первое, и второе одинаково неважно. Вселенная играет в рулетку сама с собой и, пока шарики крутятся, ничего интересного не происходит.

Романтическая

Синий бархат ночи опустился с небес и отгородил мир. Под пушистыми хвойными лапами уютно расположились люди, наблюдая за тем, как распускается диковинный киплинговский цветок. Сосны устремлялись ввысь светящимися сталагмитами. Люди сидели плечом к плечу и пели песни. Им было хорошо и не суетно вместе.

Психолого-физиологическая

Тёмные личности возлежали у огня, и каждая считала себя хорошим человеком. В мозгу боролись процессы возбуждения и торможения.

Я и Оно тихо играли под присмотром супер-Эго. Условный рефлекс выпускал слюни при слове «оливки». Подавленные комплексы и детские страхи смешивались с неясными сексуальными фантазиями, заставляя вглядываться в темноту.

Химическая

Аэробы находились возле сложной реакции, сопровождаемой ярким свечением и выделением тепла. Аэрозоль дёгтя создавал уют, временами раздражая слизистые оболочки. Одновременно происходило сильное защелачивание почвы, что вызывало миниатюрную экологическую катастрофу.

Третий час подряд аэробы, пуская в ход протеазы, гликозидазы и липазы, расщепляли сложные вещества на легкоусвояемые соединения.

Часто то один, то другой из них отходил в сторону и тайно захоранивал продукты распада в безопасных для окружающих местах.

Ужасная

Пламя, пожирающее десятки нерождённых буратин, играло кровавыми отблесками на лезвиях ножей. Изредка, когда огонь с особым сладострастием накидывался на очередную жертву и вспыхивал более ярко, из темноты выступали искаженные гримасами, багряные, точно морда вурдалака после трапезы, лица, с белыми, отполированными долгим употреблением зубами.

Время от времени один из присутствующих хлопал ладонью по своему телу и походя отнимал жизнь у юных, хрупких точно феи, матерей, всего-то и хотевших получить немножечко еды для своих будущих крошек.

Морально-протокольная

Разжигание костров в неположенных местах сопровождалось распитием спиртных напитков и нарушением тишины и покоя отдыхающих граждан при помощи орания песен. Следует добавить, что в данной компании находились лица, не достигшие совершеннолетия, чьи неокрепшие психика и мировоззрение подвергались аморальному давлению.

Бредовая

Нечто рыжее и безумное вырывалось из обычных деревьяшек. Звёзды цвели и зрели по весне, чтобы к осени опасть на землю и сгнить за ненужностью. Лягушки со страшным скрипом резали себе вены, умирая от неразделённой любви. А ты кто? — спросила внезапно заинтересовавшаяся мной соседка. А действительно кто я? Откуда я? Куда я иду?

Физическая

Тела разной массы, но одной расы воздействовали на опору, препятствующую их свободному падению. Опора отвечала им с той же силой. Тела балдели рядом с источником электромагнитного излучения и расширялись от получаемого тепла. На каждое тело давил атмосферный столб весом в 214 кило, отчего их маленько плющило.

А наутро некоторые из них слегка колбасило, хотя к физике это никакого отношения не имеет.

Дима Торубаров

Перо, бумага, чистый лист —
И что ещё для жизни нужно?
И за окном — осенний лист,
И дождь осенний пьёт из лужи.

И что во мне — не утечёт,
И что во мне — пребудет с нами,
Пока душа смиренно ждёт
Встреч новых с старыми друзьями.

Олег Мархилевич
19.09.02

